

Вместо предисловия

Истекли десять лет после трагических событий сентября 1993г., когда абхазские сепаратисты при поддержке российской военной машины одержали „победу“ в братоубийственной войне и сумели временно отторгнуть от остальной Грузии один из её прекрасных уголков – Абхазию. За это время много писалось об абхазской трагедии, хотя всесторонний и исчерпывающий анализ произошедшего в Абхазии в 1992-1993гг., конечно, еще предстоит.

Сегодня уже не вызывает никаких сомнений, что конфликт между двумя связанными самими тесными родственными узами народами, исподволь готовился задолго до трагических августовских дней 1992г. Предпосылки абхазо-грузинского военного противостояния складывались, по меньшей мере, на протяжении последних ста лет: сначала царская Россия, а затем и кремлевский большевистский режим сделали всё для разжигания антигрузинских настроений среди абхазов и подготовки идеологической почвы для отторжения Абхазии от общегрузинского государственного организма.

Российская империя еще в 60-х годах XIX столетия выработала т.н. „государственную программу“ разрыва многовекового грузино-абхазского историко-культурного единства. Первым большим шагом в этом направлении было создание на основе славяно-русской графики абхазской письменности, которая, по словам одного из видных деятелей российской администрации на Кавказе Е. Вейденбаума, должна была лишь стать „средством к ослаблению... потребности в грузинском языке“.

Одновременно российские власти предприняли наступление и на историографическом „фронте“. В 1907г. вышла книга с весьма вызывающим названием „Абхазия – не Грузия“, автором которой принято считать некоего Н. Воронова. В 20-х годах XXв. эту формулу подхватили уже сепаратистские настроенные представители т.н. „абхазской народной интеллигенции“. Так появились „программные труды“ С. Басария и С. Ашхацава об историческом прошлом Абхазии, которые служили своего рода историографическим обоснованием „государственной независимости“ ССР Абхазии, продекларированной абхазскими большевиками в марте 1921г.

Политическая конъюнктура, сложившаяся в СССР в 50-х годах XXв. создала благоприятную почву для реанимации сепаратистской идеологии в Абхазии. С этого времени на повестку дня вновь был поставлен вопрос о создании „национальной“ (оторванной от общегрузинской истории) истории абхазского народа. Однако, на первом этапе эта цель не была достигнута. В двухтомнике „Очерков истории Абхазской АССР“, подготовленном абхазскими и грузинскими историками под руководством видного абхазского ученого, члена-корреспондента АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария, историческое прошлое Абхазии освещалось в русле общегрузинской истории.

Однако постепенно (особенно со второй половины 60-х годов), с нарастанием сепаратистских настроений, отдельные абхазские (а также русские) историки, археологи, писатели, своими небылицами и утопическими измышлениями, начали вводить в заблуждение абхазское население и тем самым настраивать его против грузин. В этих „баталиях“ особенно отличились историки, которые всемерно старались исторически обосновать стремление абхазских сепаратистов оторваться от „ненавистных“ грузин, якобы всегда приносивших зло и горе абхамам и навеки впасть в „объятия“ „братской“ России – „спасительницы“ всех угнетенных народов.

С этой целью наши „друзья-коллеги“ из научно-исследовательского корпуса сепаратистов самым гнусным образом искажали историческую правду о прошлом грузинского и абхазского народов, везде и всюду выискивали факты „давления“ грузин над абхамами. **Абхазию совершенно бесцеремонно объявляли родиной одних лишь апсуа-абхазов, которые, дескать, будучи единственными полноправными хозяевами этой земли, только и должны были заботиться о будущем** (читай, о достижении независимости Абхазии от Грузии) **своей отчизны.** А грузины и представители других национальностей, проживающих „на гостеприимной земле древней Апсны“, просто обязаны помочь им в этом „благородном“ деянии. Вот почему сепаратисты и одурманенные их шовинистической пропагандой рядовые абхазы возомнили, что они могут всё. Например, могут навязать христианскому населению, составляющему, как минимум, 90% всех жителей (в том числе, и собственно абхазов) автономной республики, ярко вы-

раженную мусульманскую символику; могут объявить (грубо попирая нормы конституции и действующего законодательства) „суверенную социалистическую республику“, и этим самым больше половины коренного населения, подчеркиваем, **коренного населения** региона без их согласия в одночасье превратить в граждан „другого государства“ и т.д.

Заболевшие антигрузинским психозом историки и политики, потеряв всякий контроль над собой (это стало особенно заметно с 1988г.) доходили до такого кощунства, что готовы были даже геноцид абхазов, устроенный „братской“ Россией в XIX веке, поставить в вину грузинскому народу. Фальсификация истории была возведена (особенно после прихода к власти В. Г. Ардзинба) в ранг государственной политики, свидетельством чего являются неоднократные заявления первого лица автономной республики – председателя Верховного Совета Абхазии, а также некоторых других „государственных мужей“ (историков и неисториков) о чуть ли не 12-ти и даже 25-вековой истории абхазского национального государства.

В то же время грузины совершенно безапелляционно объявлялись как пришлое, некоренное население Абхазии, а любая попытка считать грузин такими же аборигенами, как и абхазы, объявлялась антинаучной и вредной. Всё это, конечно, не имеет ничего общего с настоящей наукой. Со всей ответственностью можно утверждать, что, несмотря на большие старания некоторых горе-историков и писателей, пока еще никому не удалось пересмотреть ставшие азбучной истиной научные положения и перечеркнуть многовековое историческое и культурно-политическое единство грузин и абхазов.

В исторической науке, естественно, всегда были и впредь будут разногласия при осмыслении тех или иных вопросов. В этом плане исключение не составляет и история Абхазии, хотя смело можно утверждать, что в целом она изучена на достаточно высоком уровне (в чем велики заслуги крупнейших абхазских историков З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария) и вряд ли следует ожидать внесения каких-либо принципиальных новшеств в существующие представления об историческом развитии региона. Это, конечно, не освобождает ученых историков от дальнейшего исследования тех или иных проблем истории Абхазии. Наоборот, сегодня, когда пришел конец тоталитарной идеологической конъюнктуре, не позволявшей объективно осветить многие вопросы истории Абхазии (особенно XIX-XX столетий), всё новые перспективы открываются перед исторической наукой. Однако, сказанное вовсе не дает нам право позабыть о том позитивном историографическом наследии, которое остается, и впредь будет оставаться прочным фундаментом правильных научных концепций. Именно на основании указанного наследия в предлагаемой книге мы попытались дать общий обзор истории современной Абхазии.

Главная задача данной работы заключается в том, чтобы показать, что из себя представляла на самом деле территория теперешней Абхазии в политико-государственном плане с древнейших времен до 1993 года и насколько обоснованы утверждения сепаратистской историографии о 12-ти и даже 25-вековой истории собственно абхазской национальной государственности.

Представленная книга является сокращенным вариантом (своего рода, пространной аннотацией) курса лекций по истории Абхазии, которую вот уже 3 года, как мы ведем (на русском языке) по „Абхазскому радио“ на I канале Грузинского радио. Грузинский вариант этих лекций-бесед публикуется в периодическом органе неправительственной организации „Фонд общественных программ“ – „ფაფო გზაგონი“. Параллельно идет публикация этих материалов на русском языке в газете „Свободная Грузия“.

За оказанную в редактировании книги помощь автор благодарит заведующую кафедрой русского языка и литературы Сухумского Филиала ТГУ им. И. Джавахишвили, доктора филологических наук, проф. **Д. А. Алания** и заведующую кафедрой английского языка и литературы Сухумского Филиала ТГУ, кандидата филологических наук, доц. **Е. В. Киланава**.

Глава I

Этнокультурный и политико-государственный облик Северо-Западной Колхиды с древнейших времен до VIIIв. н.э.

К этнической идентификации древнейшего населения северо-западной Колхиды. Абхазия, как и другие регионы Грузии, становится ареной человеческого обитания с эпохи раннего или нижнего палеолита (древнекаменный век), примерно полмиллиона лет тому назад. В эпоху

первобытности территория современной Абхазии, начиная с верхнего палеолита, входила в ареал распространения единой материальной культуры, создателями которой, вероятно, являлись этнически родственные племена общекавказского происхождения (О. М. Джапаридзе). С эпохи бронзы (может быть, еще раньше) происходит дифференциация некоей палеокавказской этнической общности, следствием чего является появление отдельных локальных особенностей внутри единой материальной культуры. Эти особенности дают возможность выделения локального региона и на территории современной Абхазии – в районе севернее Гумисты, что, возможно, вызвано этнической неоднородностью населения этого региона и остальных областей исторической Колхиды. Вполне возможно, что среди тех, кто населял эту часть современной Абхазии, были и предки нынешних абхазов, остальную же часть Колхиды, включая и территорию Абхазии южнее Гумисты, вне всякого сомнения, населяли создатели колхидской культуры – мегрело-чаны, сваны и другие картвельские племена. Вместе с тем нельзя исключить пребывание картвельских племен и в северной части современной Абхазии.

То, что территорию современной Абхазии с древнейших времен, в основном, населяли именно картвельские племена, полностью подтверждается данными древнегреческих авторов, оставивших почти документальное описание этнической карты I тысячелетия до н.э. Древнейший письменный материал о племенах, населяющих Северо-Западный Кавказ принадлежит автору VI века до н.э. Гекатею Милетскому, в „Землеописание“ которого попали „колы“, проживающие, по Гекатею „на нижних склонах Кавказского хребта и кораксы, населяющие места к западу от них“, которые в словаре „Этника“ Стефана Византийского (VI в. н.э.), сохранившего до нас фрагменты сочинения Гекатея, названы „Колхским племенем“. В „Перипле“ же Псевдо-Скилака Кариандского (IV в. до н.э.) имеется прямое свидетельство о том, что территорию к югу от кораксов и колов от Диоскурии (ныне г. Сухуми) до р. Апсароса (р. Чорохи) в раннеантичную эпоху занимали колхи (М. П. Инадзе).

Вопрос о том, что колхи – западногрузинское (мегрело-чанское) племя – давно решен в науке. Несмотря на то, что вполне допустимо и собирательное значение термина „колхи“, куда могут быть включены и некоторые некартвельские племена, не должно вызывать никакого сомнения первоначальное этническое содержание термина „колхи“, которое, прежде всего, безусловно, подразумевает западно-грузинское мегрело-чанское население и другие картвельские племена, населяющие пределы исторической Колхиды.

Тогда же в Северо-Западной Колхиде древнегреческие авторы (Геланик Митиленский V в. до н.э.) фиксируют племена генихов, которые, по мнению ученых, занимали территорию от окрестностей Питиунта (современная Бичвинта – Пицунда) до реки Ахеунта (р. Шахе, около нынешнего Туапсе). Генихов большинство исследователей (Н. Я. Марр, И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, П. И. Ингорква, Г. А. Меликишвили, Б. И. Гигинейшвили, М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. Гасвиани и др.) считает картвельским (мегрело-чанским или сванским) племенем, хотя, вместе с тем не исключается и собирательное значение термина „гениохи“, куда могли входить „племена разного происхождения“. Что же касается утверждения некоторых абхазских ученых (прежде всего Ш. Д. Инал-ипа) о генетическом родстве генихов с древними абхазами, то оно явно искусственно и надуманно.

Таким образом, все имеющиеся древнегреческие письменные материалы почти однозначно подтверждают проживание на территории Северо-Восточной Колхиды (в I тысячелетии до н.э.) исключительно картвельских (колхских) племен: „колов“, „кораксов“, собственно „колхов“, „генихов“, возможно и „мосхов“, „месхов“. Никакого конкретного упоминания о племенах, которых с должной аргументацией можно было бы причислить к абхазо-адыгскому этническому миру, в этих источниках мы не встречаем, хотя исследователи, в том числе и некоторые грузинские (на основании анализа археологических материалов), допускают проживание на этой территории и предков современных абхазов.

Этно-демографическая картина северо-восточной Колхиды в первых веках н.э. В I Пв.в. н.э. произошли серьезные изменения на этнической карте Северо-Восточной Колхиды. С этого времени, на территории современной Абхазии появляются новые племена. Это прежде всего саниги, первое упоминание о которых встречается еще у древнегреческого автора Мемнона – современника т.н. Митридатовых воин. Подавляющее большинство ученых непосредственно занимающихся данной проблематикой (И. А. Орбели, Н. Я. Марр, С. Н. Джанашия, П. И. Ингорква, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш.

Мибчуани, Г. Гасвиани и др.) санигов причисляют к картвельскому (мегрело-чанскому, сванскому) этническому миру, хотя существует мнение и об абхазо-адыгском происхождении санигов (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др.), что также явно надумано и не выдерживает критики.

О картвельском происхождении санигов однозначно свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) В этнониме „саниги“, как совершенно обоснованно подчеркнуто в науке (Н. Ю. Ломоури) легко выделяется корень „сани“ – греческая форма этнонима „чани“ („ჭანი“), мегрело-чанское происхождение которого не подлежит никакому сомнению; 2) Древнейшее грузинское название Диоскурии–Сébastополиса (т.е. – современного Сухуми) – „Цхуми“ на сванском языке означает „граб“, а появление сванского топонима в окрестностях Сухуми-Диоскурии возможно было лишь тогда, когда в этих краях обитали именно сванские племена. Учитывая, что после VIII в., к которому относится древнейшее упоминание в грузинской хронике „города Апшилети – Цхуми“ (т.е. времени, когда Цхуми уже не принадлежал сванам, а был городом Апшилети-Апсилии) трудно найти следы пребывания сванских племен в окрестностях Сухуми, то сванское название данного места должно было возникнуть раньше VIII в. Со всей ответственностью можно утверждать, что сванское название г. Сухуми, могло появиться еще до I в. до н.э., когда, по словам известного древнегреческого географа Страбона (64 г. до н.э. – 20 г. н.э.) над вершинами вокруг Сухуми–Диоскурии „господствовали сваны“ и в земле которых (т.е. санигов) по почти документальному сообщению другого греческого автора Пв. н.э. Флавия Арриана и „лежал Сébastополис“ (Диоскурия-Сухуми).

Вместе с тем, нельзя исключить также возможность объяснения топонима „Цхуми“ и при помощи мегрело-занского языка (по мегрельски „цхимури“, „тхуму“ – также породы деревьев). Своего рода документальным подтверждением подобного варианта может служить известное указание другого древнегреческого географа Клавдия Птолемея (Пв. н.э.) о том, что у северной границы Колхиды, к северо-западу от Диоскурии, вдоль реки Коракс (по мнению ученых, р. Бзиби) жили „свано-колхи“ – своего рода смешанное свано-мегрельское племя (Н. Ю. Ломоури).

В I–II вв. н.э. в письменных источниках впервые появляются сведения об „апсилах“ и „абазгах“, которые в это время предположительно локализируются примерно на территории от р. Галидзга до р. Келасури. Позже наблюдается некоторое перемещение этих племен в северо-западном направлении и где-то в V–VI вв. н.э. они, ориентировочно, обосновались в регионе междуречья Кодори (или Келасури) и Бзиби. При этом апсилы по-прежнему занимали южные районы, а абазги – северные. В VIII в. г. Цхуми (Сухуми), как уже отмечалось, уже назван городом Апшилети (Апсилии). Подобное перемещение абазгов и апсилов с юга на север в науке (Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури и др.) объясняется натиском лазских племен.

В историографии долгое время не вызывал сомнения вывод о том, что апсилы и абазги являются предками современных абхазов. В 50-х годах XX века известный грузинский филолог П. И. Ингорквва впервые предпринял попытку пересмотреть традиционный взгляд и абазг-абхазов и апсилов раннего средневековья объявил картвельскими племенами. Однако, официальная грузинская историография (прежде всего, в лице тогдашнего ее лидера акад. Н. А. Бердзенишвили) встретила настороженно гипотезу П. И. Ингорквва и сохранила приверженность к прежней трактовке. Подтверждением тому могут служить все обобщающие издания по истории Грузии-Абхазии вышедшие в 50-80-х годах, начиная с „Очерков истории Абхазской АССР“ (главный редактор Г. А. Дзидзария), заканчивая учебниками и учебными пособиями по истории Грузии и главное, восьмитомным фундаментальным изданием „Очерков истории Грузии“ (главный редактор акад. Г. А. Меликишвили), в которых не оспаривается принадлежность абазг-апсилов к абхазо-адыгскому этническому миру. Следует отметить, что точка зрения П. И. Ингорквва подверглась резкой критике со стороны абхазских ученых (З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, М. М. Трапш, Ш. Д. Инал-ипа и др.).

В последние годы среди некоторых грузинских исследователей наблюдается определенное увлечение, во что бы ни стало реанимировать гипотезу П. И. Ингорквва. Однако, со всей ответственностью можно констатировать, что эти попытки, несмотря на высокий научный авторитет отдельных ученых, на наш взгляд, пока что не могут считаться успешными и мы, по-прежнему, придерживаемся точки зрения об абхазо-адыгском происхождении абазгов и апсилов.

Касаясь вопроса об этнической идентификации абазг-апсилов, следует разъяснить и вопрос о терминологическом взаимоотношении с одной стороны этнонимов „абазг“, „абхаз“, „аба-

за“ и „апсил“, „апсар“, „апсуа“ с другой. В науке (К. С. Ломтатидзе, О. Кахадзе, Е. Осадзе, Т. Гванцеладзе и др.) долгое время казалось бесспорным тождество этнонимов: „абазг“, „абхаз“, „абаза“. С последней связывали этноним „апсуа“, который по фонетическим закономерностям считают производным от „абаза“. Однако, в последнее время академик Т. В. Гамкрелидзе подверг серьезному сомнению тождество этнонимов „абазг“ и „абаза“. По мнению ученого, „абаза“ и „абазг“ две независимые формы. При этом греческая форма „абазг“ исходит от грузинского „абхаз“, под которым академик Т. В. Гамкрелидзе подразумевает не предков „абаза“-„апсуа“, а какое-то западно-картвельское племя.

В настоящее время предпринята попытка пересмотра и тождества этнонимов „апсил“, „апсар“, „апсуа“. По мнению академика Д. Л. Мухелишвили, „апсил“ нельзя считать эквивалентом „апсуа“, и под „апсилами“ он подразумевает западно-грузинское племя. Вместе с тем, ученый не отрицает тождество этнонима „апсар“ с „апсуа“-„абаза“, принадлежность которых к адыго-абхазскому этническому миру у него не вызывает никакого сомнения.

В раннесредневековых письменных источниках на территории современной Абхазии (в Кодорском ущелье, за Цебельдой) зафиксированы племена мисимян, которых однозначно следует отнести к картвельскому (сванскому) этническому миру, т.к. этноним „мисимян“ явно восходит от „мушван“ – самоназвания сванов. Попытки же некоторых абхазских историков (прежде всего Ш. Д. Инал-ипа) оторвать наряду с саниг-гениохами и мисимян от картвельского этнического мира не имеют ничего общего с научной логикой и всецело продиктованы сепаратистско-националистической конъюнктурой.

В раннем средневековье на территории современной Абхазии были представлены и лазы. Их проживание, в основном, предполагается в южных районах Абхазии, хотя не исключено, что когда-то они были расселены и в северной части, о чем может свидетельствовать существование там топонима: „Старая Лазика“, которая, по мнению специалистов (Д. Л. Мухелишвили и др.), локализуется у устья р. Негопсухо, северо-западнее от современного города Туапсе.

Такова этно-демографическая картина северо-западной части исторической Колхиды в первых веках (до VIII в.) нашего летоисчисления. Как видим, **и в этот период большую часть территории современной Абхазии занимали картвельские племена санигов, лазов и мисимян.** Что же касается собственно абхазских племен: абазгов и апсилов, то на первом этапе (в I–II вв. н.э.) они ориентировочно населяли территорию между реками Галидзга и Келасури. Позже, уже к V–VI вв. они переместились на север и заняли область между рек Кодори (или Келасури) и Бзиби.

Политико-государственный облик северо-западной Колхиды с древнейших времен до VIII в. н.э. Возникновение древнейших государственных образований на территории Грузии ученые предполагают, как минимум, с конца II тысячелетия до н.э., когда в ассирийских клинописных надписях появляется информация о „Даиаени“ (позже Диаухи урартских источников) и „Килхи“, под которыми специалисты видят Колху (Колхиду) эпохи мифических аргонавтов. В VIII веке до н.э. Колха урартских клинописей представляла собой страну с достаточно четкой организацией государственной власти.

Примерно в VII–VI вв. до н.э. в пределах Западной Грузии, на развалинах Колхского объединения, вновь возникает государственное образование во главе которого, по данным древнегреческих авторов, стояли потомки легендарного царя Аieta. Крайнюю северо-западную границу этого государства ученые ищут в районе современного Туапсе, где находилась „Старая Лазика“. Исходя из этого, совершенно очевидно, что территория современной Абхазии полностью входила в состав Колхидского царства, и этот регион „являлся и этнически и территориально органической частью“ (Д. Мухелишвили) колхидского государства.

К началу I века до н.э. в Колхиде уже не было единого государства. Принято считать, что объединенные в свое время под эгидой царя колхов племена к этому времени вновь обрели независимость. В этот период территория исторической Колхиды попадает под контроль грозного понтийского царя Митридата VI, а с 65 года до н.э. здесь устанавливается гегемония Рима. В I–II веках н.э. на территории исторической Колхиды официально оформляются новые этнополитические образования – т.н. „царства“: макронов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов, санигов. Территория современной Абхазии была поделена между Лазикой (примерно до р. Галидзга), Апселией и Абазгией (предположительно от р. Галидзга до р. Келасури) и Санигией, в пределах которой и находился Себастополис (т.е. современный Сухуми) и которая простиралась пример-

но до Сочи, возможно, даже до Туапсе. **Т.о. большую часть территории современной Абхазии занимали государственные образования санигов и лазов, картвельское происхождение которых не вызывает никакого сомнения. Собственно абхазскими этнополитическими образованиями можно считать лишь „царства“ апсилов и абазгов.**

Эти объединения представляли собой раннеклассовые государственные образования, во главе которых стояли местные династии, назначаемые или утверждаемые римскими императорами. Примерно с III века при поддержке римских властей на территории Западной Грузии начинает усиливаться „Царство лазов“. К концу IV в. Лазское (Эгрисское) царство охватывало уже территорию всей Западной Грузии, включая и современную Абхазию, и превратилось в достаточно мощную державу, которую византийские авторы того периода однозначно воспринимали как правопреемницу древнего Колхидского царства. Территория современной Абхазии, по-прежнему, оставалась органической частью лазско-эгрисского государства, хотя правители Абазгии, которая к этому времени (IV в. н.э.) была представлена в новых границах (предположительно между рек Гумиста и Бзыби), пользовалась значительным суверенитетом и фактически лишь номинально признавала верховенство лазских царей. Что же касается Аpsилии, то она, в отличие от Абазгии, административно входила в Лазику и управлялась присланными из центра чиновниками. Один из таких чиновников Тердат – „знатный лаз“, назначенный Губазом II-м, царем Лазики, наместником Аpsилии, в середине VI века поднял мятеж против своего царя. Однако, центральной власти Лазика-Эгриси при активной поддержке византийцев удалось навести порядок в крае, и апсилы вновь стали „подданными лазов“.

В V-VI вв. Византийская империя, всемерно добиваясь большей лояльности к Константинополю со стороны лазских царей, начала поощрять стремление абазгских правителей выйти из-под юрисдикции Лазики и непосредственно подчиниться империи. В это время (в первой половине VI века) византийские власти оторгли Абазгию от Эгриси и в церковном отношении и создали там независимую от Лазского митрополита епархию. Во всяком случае, византийские источники VI века повествуют об особой активизации миссионерской деятельности империи в пределах Абазгии во времена императора Юстиниана I (527 – 565 гг.).

Все это, а также обострение общеполитической обстановки в Западной Грузии, вызванное протекавшей здесь двадцатилетней ирано-византийской войной, не могло не помешать политической консолидации эгрисского государства, и оно постепенно начало клониться к упадку. На протяжении II половины VI и первой половины VII вв. Византийская империя все больше наращивала свое давление на центральную власть Лазики-Эгриси и всемерно добивалась ограничения ее влияния на местах. Несмотря на это, в середине VII века Аpsилия и Мисиминия по-прежнему оставались в непосредственном подчинении правителя Лазики. Более того, в это время, почти по документальному указанию византийского автора VII века Феодосия Гангрского, одна из резиденций правителя Лазики, который, кстати, уже не назывался царем, а носил византийский титул патрикия, находился в районе Моквы. Это, безусловно, прямое подтверждение реального распространения власти правителя Лазики на этой части территории современной Абхазии.

К концу VII века правящий дом Лазики-Эгриси в лице патрикия Серги Барнукис-дзе решил выйти из-под повиновения Византийской империи и пригласил в страну арабов, которые разместили свои гарнизоны не только в центральных областях Лазики, но и на окраинах, в том числе и на территории современной Абхазии, в частности, в крепостях Кодорского ущелья. В это время арабы взяли под свой контроль и Абазгию.

Установлением арабского владычества в Западной Грузии, естественно, был нанесен серьезный удар интересам Византийской империи в Закавказье, и оно не могло не вызвать соответствующую реакцию со стороны Константинополя. Византийская империя и ее главный союзник в противостоянии с Арабским халифатом – Хазарский каганат – в первой трети VIII века нанесли ряд чувствительных ударов арабам в Закавказье. В этой антиарабской кампании важную роль играл правитель Картли (предположительно Степаноз), на которого и стали делать главную ставку византийские власти в своих акциях против Халифата в Закавказье. Имеются все основания предположить, что правитель Картли в это время при поддержке Византии распространил свою власть на Западную Грузию.

Во всяком случае, в середине 30-х годов VIII века, когда известный арабский полководец Мерван ибн-Мухаммад, прозванный в Грузии Мурваном „Кру“ („Глухой“), совершил свою кара-

тельную экспедицию в Западную Грузию, здесь не было местного династа, и Лазику-Эгриси рассматривали как часть государства Картлийского эрисмтавара. Границы этого государства, которого, кстати, впервые источники называют „საქართველო“ („Грузия“), проходили по реке Келасури, за которой была Абхазия, считавшаяся в это время непосредственно византийским владением и управляемая назначенным императором эриставом.

В византийских источниках, освещающих события этого периода, упоминается и правитель Апсилии, или „первейший среди апсилов“ – Маринос, который в начале VIII века активно сотрудничал с Византией, за что, по-видимому, и получил титул патрикия. Источники называют также и сына Мариноса – Евстафия, которого где-то в 738-740гг. пленил арабский полководец Сулейман ибн-Асам. После этого Апсилия как отдельная этнополитическая единица, прекратила свое существование и постепенно слилась с Абазгией – Абхазети.

Глава II

„Абхазское“ царство – Западногрузинское государство, правопреемник Колхидского и Лазского царств

Политическая ситуация в Грузии накануне образования „Абхазского“ царства. К середине VIII в. произошла определенная этническая консолидация вокруг абазг-абхазов, но этот процесс нельзя рассматривать как окончательное формирование т.н. абхазской феодальной народности со своим этнокультурным и национально-государственным менталитетом, получившего якобы логическое завершение в создании собственно абхазского национального государства – царства „абхазов“.

В VIII-IX вв. не было никаких объективных условий для консолидации абхазских племен в абхазскую народность, наоборот, налицо все условия для интеграции этих племен в грузинский феодальный народ (Н. Ю. Ломоури). Ярким свидетельством того, почему абхазские племена не смогли или, по крайней мере, не успели консолидироваться в единый народ со своей письменной и национально-государственной традицией, может служить как раз история т.н. царства „абхазов“, с самого начала являющегося не абхазским национальным государственным образованием, а грузинским государством, ставшим колыбелью единой грузинской государственности.

На протяжении VIII-IX вв. произошли существенные изменения в государственном и политическом устройстве Грузии. На развалинах древнейших грузинских государств Колхиды-Лазики-Эгриси и Иберии-Картли возникли отдельные царства-княжества: Кахети, Эрети, Тао-Кларджети, Царство „Абхазов“ и Тбилисский эмират. Эти изменения, в основном, были обусловлены факторами внешнеполитического характера, в частности, арабо-византийским военным противостоянием в Закавказье. Своего апогея это противостояние достигло в 30-х годах VIII в., когда вся Грузия, как Восточная, так и Западная, стала ареной опустошительного похода грозного арабского полководца Мурвана ибн-Мухаммеда (Мурвана „Кру“).

Во время этого похода Мурван-„Кру“, завоевав центральные области Эгриси, переправил-

ся через р. Келасури, которая в ту пору, по словам грузинского летописца, была границей между Грузией и Византией, сокрушил город Апшилети Цхуми и обступил Анакопию (современный Новый Афон), резиденцию „Эристава Абхазии“ Леона, у которого нашли убежище преследуемые арабским полководцем сыновья эрисмтавара Картли Степаноза – Мир и Арчил. У стен Анакопийской крепости произошло героическое сражение, в котором совместное картлийско-абхазское войско – всего 3тыс. воинов (из них абхазов 2тыс., картлийцев – 1тыс.) одолело 35-тысячное войско арабов, которые были вынуждены отступить, а затем вовсе покинуть Западную Грузию.

С походом Мурвана „Кру“ в Западную Грузию и его результатами связывает древнегрузинская историческая традиция определенные изменения в политической и государственной структуре страны. В частности, происходит официальное признание Византийской империей представителей правящего дома Картли Мира и Арчила в качестве общегрузинских лидеров – „царей“ Картли-Эгриси, „Эриставу Абхазии“ Леону же византийский император пожаловал наследственные права на Абхазию. Одновременно произошло сближение „эристава кесаря“ Леона с домом Мира и Арчила, завершившееся династическим браком – взяв в жены одну из дочерей Мира, Леон тем самым стал полноправным членом правящего дома Картли-Эгриси. Правитель Абхазии пошел еще дальше, он отказался от предложенных Арчилом, ставшим после смерти старшего брата Мира, единственным властителем Картли-Эгриси, территориальных приобретений и объявил себя вассалом Картлийского эрисмтавара, а свое владение – частью государства „царя“ Арчила. Взамен абхазский владетель получил весьма значительную в политическом плане компенсацию, ему была передана царская корона, присланная византийским императором его тестю Миру. Этим самым руководитель Абхазии сразу же стал ведущей политической фигурой в общегрузинском масштабе, фактически вторым лицом в государстве и положил начало качественно новому этапу своей политической карьеры.

Образование „Абхазского“ царства и его национально-государственный облик. Во второй половине VIIIв. дом Леона, удачно использовав свое выгодное легитимное положение, постепенно начал добиваться установления своей гегемонии в масштабе всей Западной Грузии. К 80-м годам VIII века, когда известный грузинский писатель Иован Сабанис-дзе писал свое знаменитое агиографическое произведение „мученичество Або Тбилели“, уже вся Западная Грузия была под властью правителя („мтавари“) Абхазии. Более того, Иован Сабанис-дзе документально подтверждает, что тогда Абхазией называли не только территорию собственно „эриставства Абхазии“, а всю Западную Грузию.

В конце VIII века представитель дома Леона, его племянник Леон II, воспользовавшись ослаблением Византийской империи, при помощи хазар отложился от нее (т.е. Византии), захватил власть в уже объединенном его предшественником в Эгриси-Апхазети и объявил себя „царем абхазов“. Так было положено начало т.н. „Абхазскому“ царству. Следует особо отметить, что древнегрузинская историческая традиция этот акт однозначно увязывает с определенным династическим кризисом в царском доме Арчила. По словам автора „Матиане Картлиса“ („Летопись Картли“ – так принято называть условно анонимную хронику XI века, освещающую историю Грузии этого периода), принятие Леоном II царского титула, стало возможным потому, как „Иоване — сын Арчила, который сидел на месте эгрисских царей не был в живых, а Джуаншер, его брат был слишком стар, а затем и тот скончался“. Т.е. этим самым грузинская летопись (кстати единственный источник, повествующий об этом событии), как бы специально подчеркивает, что в сложившейся ситуации представитель дома Леона I являлся единственным легитимным династом, который законно мог претендовать на власть в Абхазии-Эгриси. Однако, принятие царского титула правителем Абхазии-Эгриси нельзя рассматривать как сугубо внутривнутриполитический акт. Это в не меньшей степени, а может быть даже в первую очередь, было обусловлено внешнеполитическими факторами. Не случайно грузинский летописец данное событие, т.е. объявление Леоном II своей персоны царем „абхазов“, связывает с политическим разрывом с Византией. Средневековая грузинская историография совершенно четко понимала, что принятие тем или иным грузинским лидером царского титула непосредственно определялось внешнеполитическим статусом страны и что международная конъюнктура не всегда позволяла им носить этот титул. Отказ Леона II от византийского сюзеренитета и принятие им царского титула совпал с политическим кризисом, последовавшим за государственным переворотом в Византийской империи в конце VIIIв., конкретно около 797 года.

Ввиду того, что Леон II – „эристав Абхазии“ назвал себя не иначе как „царем абхазов“ („мепе апхазта“), как внутри Грузии, так и за ее пределами это новое государственное образование стали называть страной „царя абхазов“, т.е. Царством „абхазов“ или просто „Абхазией“. Однако, это вовсе не означает, что с этого времени в результате „военного покорения“ правителем Абхазии всей Западной Грузии, здесь появилось новое национальное государство апсуа-абхазов, не имеющее ничего общего с грузинской государственностью. Если бы „абхазская“ династия пришла к власти в бывшем Лазско-Эгрисском царстве как иноземная сила, якобы „окупиравшая“ территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению чуждую абхазскую государственность, то тогда, совершенно не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезненно восприняло этот акт „агрессии“.

Достаточно самого беглого ознакомления с памятниками древнегрузинской исторической литературы, для того, чтобы однозначно убедиться в самом благожелательном отношении к представителям т.н. „абхазской“ династии со стороны буквально всех средневековых грузинских писателей и летописцев, которые в той или иной мере касались деятельности царей „абхазов“. Совершенно очевидно, что „Летопись Картли“ – главный и единственный источник, в котором изложена более-менее полная история Царства „абхазов“ и которая целиком и полностью отражает именно **грузинскую**, а не вымышленную абхазо-апсуйскую национально-государственную конъюнктуру, не могла допустить ту лесть и восхваление, на которые явно не скупится ее автор по отношению грозных „абхазских“ царей, якобы „завоевывающих“ всю Грузию.

В представлении грузинской общественности цари „абхазов“ были не какими-то „чужестранцами“ – „завоевателями“, а такими же грузинскими лидерами, каковыми являлись, например, представители династии Багратионов. Это, безусловно, одно, общегрузинское культурно-политическое и государственное пространство, внутри которого на этот раз выдвинулась новая „абхазская“ династия.

Касаясь вопроса о новом названии Западной Грузии и оформившегося здесь в конце VIII века государственного образования нельзя пройти мимо и того факта, что некоторые иностранные авторы (например, известный средневековый армянский историк Ованес Драсханакертци, писавший свое сочинение в первой четверти X века) царей „абхазов“ называют эгрисскими царями, т.е. в сопредельных государствах имели совершенно четкое представление о том, какую страну называли „Абхазией“ в конце VIII века. Собственно грузинская историческая традиция дала совершенно однозначное разъяснение того, когда и почему называли историческое Эгриси „Абхазией“. Вот что пишет в этой связи крупнейший грузинский историк XVIII века Вахушти Багратиони в своем классическом труде „Описание царства грузинского“: „Название страны этой – три: первое – Эгриси, второе – Абхазия, третье – Имерети. Эгриси она была названа из-за Эгроса сына Таргамоса, которому... досталась страна эта, и называлась она так до конца правления Хосроянов (т.е. династии картлийских царей, которую и представлял дом Степаноза-Арчила – **З.П.**). А Абхазией /она была названа/ из-за Левана, который после первого Леона... был эриставом Абхазии. Этот Леван после смерти Хосроянов стал царем, овладел всею Эгриси целиком. И этот /Леван/ назвал Абхазией царство свое, распространив наименование своего эриставства на всю Эгриси“...

В историографии нет однозначного ответа по вопросу этнического происхождения Леона II и его предков. Высказывались мнения о греческом (П. Уварова, Д. И. Гулия), грузинском (В. Латышев, П. Ингороква и др.) и абхазском (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др.) происхождении династии „Леонидов“. Однако это абсолютно не имеет никакого значения, т.к. **цари „абхазов“, независимо от их этно-племенного происхождения, своей политической и государственной деятельностью однозначно представляли общегрузинский культурно-политический мир. Они создавали единое грузинское государство – საქართველო, а не национально-государственное образование апсуа-абхазов – Апсны.**

То, что Леон II и его преемники строили именно грузинское, а не абхазо-апсуйское государство, особенно наглядно проявилось в церковной политике „абхазских“ царей. После обретения политической независимости „Леониды“ активно стали добиваться и церковного отделения от Византии. Для них было совершенно очевидным, что для окончательного освобождения страны от византийской зависимости была необходима ликвидация церковно-идеологического

влияния, осуществляемого на протяжении многих веков Константинопольской патриархией и создание по-настоящему национальной идеологической опоры. И этой национальной идеологией стала не абхазо-апсуйская, а именно грузинская идеология, главной движущей силой которой была грузинская церковь. Именно поэтому цари „абхазов“ развернули бурное церковное строительство в Западной Грузии и создали все условия для широкого распространения грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности. Этому процессу сопутствовало упразднение старых греческих епархий и основание новых грузинских церковных кафедр в Западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии, о чем сохранили прямые свидетельства грузинские летописи и другие письменные памятники.

Благодаря активной деятельности царей „абхазов“ в церковной сфере уже с начала X века Западная Грузия – т.е. „Абхазское“ царство, становится страной грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности, а западно-грузинская церковь организационно слилась с Мцхетским каталикосатом. Всё это произошло потому, что задолго до воцарения Леона II в Эгриси-Абхазети он и его предки, не говоря уже о потомках, независимо от своего племенного происхождения считали себя представителями общегрузинского культурно-политического мира. Для них грузинский язык и грузинская христианская культура стали такими же родными, как и для остального картвельского населения Западной Грузии, в том числе для мегрелов-чанов и сванов.

Картвельские племена составляли этническое большинство в „Абхазском“ царстве. Из 8 эриставств Царства „абхазов“, образование которых древнегрузинская историческая традиция приписывает Леону II, собственно абхазы населяли только лишь территорию Абхазского эриставства, которое в то время охватывало земли, расположенные севернее реки Гумиста, примерно до Никописи (окрестности современного г. Туапсе), хотя не исключено их частичное проживание и на территории Цхумского эриставства. Остальные же эриставства были полностью представлены исключительно картвельскими племенами (карты, мегрело-чаны, сваны).

Картвельский этнический элемент, особенно его картизированной часть, которая в численном отношении к VIII веку в Западной Грузии значительно выросла, по совершенно справедливому заключению крупнейшего абхазского историка З. В. Анчабадзе, оказался более развитым как в социально-экономическом, так и, что особенно важно, в культурном отношении. Именно это обстоятельство обусловило и то, что государственным языком Царства „абхазов“ стал язык картов (т.е. грузинский литературный), имевший письменную традицию и уже давно являвшимся государственным языком, а также языком церковного богослужения как в Восточной, так и в Южной Грузии. О возросшем значении картского (восточно-грузинского) элемента в Западной Грузии свидетельствует и то, что цари „абхазов“ столицей своего государства превратили не Цихе-Годжи – резиденцию лазско-эгрисских царей, а Кутаиси, выдвигание которого в общегрузинском масштабе древнегрузинская историческая традиция связывает с обоснованием здесь картлийских эрисмтаваров в 30-х годах VIII в. Этот факт является ещё одним доказательством того, что „Леониды“ однозначно считали себя законными наследниками именно „царского“ дома Степаноза-Арчила и что с переходом из Анакопии – резиденции „эриставов Абхазии“ – в Кутаиси (бывшим в то время стольным городом правителей Картли-Эгриси) Леон II явно подчеркнул свою легитимную принадлежность к царскому дому Арчила.

Т.о. Царство „абхазов“ – это новое западногрузинское государство, возникшее на развалинах Лазско-Эгрисского царства. Оно является своего рода правопреемником древне-колхидского и лазско-эгрисского государств. **Более того, образование „Абхазского“ царства качественно новый этап в истории грузинской государственности. В отличие от Лазики-Эгриси (не говоря уже о древней Колхиде), национально-государственное строительство которого явно следует считать далеко не завершённым (стоит вспомнить, что языком государственного делопроизводства и церковного богослужения в Лазике-Эгриси оставался греческий язык), „Абхазское“ царство было первым, по-настоящему грузинским национальным государством в Западной Грузии со своей грузинской национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком. Всецело грузинской была и политическая направленность „Абхазского“ царства. Оно неуклонно стояло на страже общегрузинских политических и государственных интересов. Именно неустанная забота Кутаисского престола, направленная на дальнейшее расширение и упрочение „Абхазского“ царства в конечном итоге и привела к созданию единого грузинского государства под эгидой царя „абхазов“ в начале XI ве-**

Глава III

Современная Абхазия в составе единого грузинского государства в XI-XV вв.

Современная Абхазия в XI-XII вв. В конце X и начале XI вв. завершился длительный процесс объединения грузинских земель и образовалось единое государство, во главе которого оказался царь „абхазов“ и „картвелов“ Баграт III Багратиони. Объединение Грузии означало, прежде всего, слияние двух престолов: „абхазского“ (западногрузинского) и „картвельского“, что подразумевало государственное образование, возникшее ещё в начале IX века в Южной Грузии – Тао-Кларджети и выступавшее в роли правопреемника бывшего Картлийского царства. Титулятура первого царя объединенного грузинского государства начиналась со слов „Царь абхазов“. Это было выражением той ведущей роли, которую сыграло западногрузинское государство – „Царство абхазов“ – в объединительном процессе. Именно вокруг Кутаисского престола происходило соби́рание всех грузинских земель и формирование общегрузинской государственности. И это отнюдь не было связано со сменой династий, т.к. царевич Баграт занял западногрузинский престол не как Багратиони, а как легитимный представитель (по материнской линии) династии „Леонидов“ – внук (сын дочери) самого выдающегося царя „абхазов“ – Гиоргия II (922-957 гг.), достигшего наибольших успехов в борьбе за гегемонию в общегрузинском масштабе.

С воцарением Баграта III в Кутаиси Царство „абхазов“ не претерпело каких-либо изменений как в этнополитическом, так и государственно-правовом отношении. Произошло всего лишь дальнейшее расширение пределов „Абхазского“ царства, которое уже охватило территорию всей Грузии (за исключением Тбилисского эмирата и южной части Тао – владений Давида Куропалата) и трансформировалось в общегрузинское государство. Именно поэтому буквально все грузинские летописцы XI-XII веков страну, т.е. всю Грузию, порой без всяких комментариев, называли не иначе, как „Абхазия“. Аналогично обстоит дело и с иноязычными письменными источниками, освещающими события XI-XII вв., в которых термин „Абхазия“ („Абазгия“, „Обези“ и т.д.) однозначно подразумевают только „Грузию“ и единое грузинское государство. Наука пока что не располагает ни одним иноязычным источником этого периода, в котором термин „Абхазия“ имел бы иное значение.

Территория современной Абхазии не представляла собой единый организм в административном плане. Она еще со времен Леона II – основателя „Абхазского“ царства, была разделена на следующие административные единицы — эриставства: **Абхазское** – северная часть, примерно от Гумисты или Анакопии (Новый Афон) до Никопсии (севернее нынешнего города Туапсе), далее **Цхумское** – часть современного Гудаутского района, примерно до Анакопии, Сухумский и Гульрипшский районы, часть Очамчирского района, и **Бедийское** – часть Очамчирского р-на и Гальский р-н.

Статус эриставов Абхазии, Цхуми и Бедии (Одиши) ничем не отличался от статуса других эриставов. Они, наряду с другими западногрузинскими эристами, находились не в прямом подчинении царю, а в „непосредственном ведении министра царского двора (мсахуртухуцеси –

управляющий хозяйством царского дома), являвшегося в Западной Грузии своего рода царским наместником“. В источниках сохранились отрывочные сведения об эриставах Бедийском, Цхумском и Абхазском. Т.н. в начале XIII в. во главе Абхазского эриставства стоял представитель знатного рода Шарвашидзе – Дотагод.

В науке нет единого мнения по вопросу происхождения и времени выдвижения рода Шарвашидзе. Некоторые ученые (М. Броссе, Д. И. Гулия, З. В. Анчабадзе) считали их потомками одного из представителей дома Шарваншахов, направленного Давидом IV Строителем в Абхазию после присоединения Ани к Грузии. Однако существует также мнение, что предки Шарвашидзе играли активную роль в пределах Абхазского эриставства еще в XI в.

Территория современной Абхазии в период существования единого грузинского государства, как метко заметил видный абхазский историк и этнограф Ш. Д. Инал-ипа, „меньше всего походила на отдаленную провинциальную область“. В XI-XII вв. эриставства, расположенные на территории современной Абхазии, были опорой царей Грузии в борьбе против феодальной оппозиции. Не случайно, что первый царь объединенной Грузии Баграт III одной из своих резиденций (может быть, даже главной) сделал Бедию, где и построил великолепный храм – свою усыпальницу. Нет ни одного факта, который бы свидетельствовал об антиправительственных, тем более о сепаратистских настроенных абхазских феодалов, якобы недовольных упразднением „Абхазского“ царства. Наоборот, всё говорит о том, что они были одними из наиболее верных подданных царей объединенной Грузии, называющих себя, в первую очередь, царями „абхазов“. Абхазская знать всегда играла важную роль при царском дворе, как в Кутаиси, так и в Тбилиси, после переноса туда столицы государства Давидом IV Строителем. Значительно возросла роль расположенных на территории современной Абхазии эриставств, в частности, Цхумского эриставства. Сам же город Цхуми-Сухуми – одна из летних резиденций грузинских царей, по словам известного русского ученого В. Сизова, изучившего в XIX в. исторические древности Восточного побережья Черного моря, стал важнейшим „культурным и административным центром грузинского государства“.

Собственно абхазы постоянно фигурируют в военно-политических акциях грузинского государства на протяжении всего XI-XII вв. Они, естественно, принимали участие во всех военных баталиях. Абхазы ничем не отличались от жителей других регионов объединенного Грузинского царства. В XI-XII вв. теперешняя Абхазия не имела никакой автономии. Она даже не была единой в административном отношении. **Единственная привилегия, которой добивались абхазы XI-XII вв., была неустанная борьба за дальнейшее укрепление и упрочение военно-политического могущества своего отечества – объединенного Грузинского государства.**

В XI-XII вв. на территории современной Абхазии процветала средневековая грузинская христианская культура. В этом плане, данный регион, как верно пишет З. В. Анчабадзе, ни в чем не уступал „другим областям Грузии“. В это время в Абхазии было построено множество христианских храмов, среди которых уже упомянутый нами Бедийский собор, воздвигнутый царем-объединителем Багратам III-м и ставший, наряду с храмом Баграта в Кутаиси, символом единой грузинской государственности. Замечательным памятником грузинского христианского зодчества являются Лыхненский (рубеж X-XI вв.) и Пицундский (XII в.) храмы. На территории современной Абхазии строились в этот период крепости и другие оборонительные сооружения, среди которых следует назвать крепостные укрепления на Иверской горе Анакопии (Новый Афон), сооруженные в разное время (с IV по XI вв.), а также замок Баграта, расположенный на одном из холмов юго-восточной части Сухуми. Данная крепость являлась цитаделью средневекового Сухуми и охраняла порт, расположенный тогда у устья реки Беслетки, и всю эту местность. Типичным памятником средневековой грузинской архитектуры является и одноарочный Беслетский мост близ Сухуми, на котором высечена древнегрузинская надпись, датируемая по палеографическим особенностям XI-XII вв.

Христианские храмы расположенные на территории современной Абхазии были центрами грузинской книжности и просвещения. Письменная культура региона в это время была исключительно грузинской. Почти все дошедшие до нас лапидарные надписи XI-XII вв. сделаны на грузинском языке. **Никакой иной, помимо грузинской, национальной цивилизации на территории современной Абхазии в XI-XII вв. не было – Абхазия в это время целиком и полностью оставалась страной грузинской средневековой христианской культуры.**

Абхазия в XIII-XV вв. В XIII в., в результате опустошительных нашествий сначала Хо-

резмшаха Джалал ад-Дина, а затем покорения Грузии монголами, не только была существенно подорвана военно-политическая мощь страны, но и появились первые бреши в единой грузинской государственности. В 40-х годах XIIIв. монголы разделили Грузию на восемь думанов (военно-административные округа), из них два были в Западной Грузии. Территория современной Абхазии вошла в думан, управление которым было поручено Цотне Дадиани. Жители нынешней Абхазии, в том числе собственно абхазы, и в этот период продолжали активно участвовать в общегрузинских процессах. Так, например, по словам анонимного грузинского хронографа XIIIв., описавшего столетний период монгольского владычества в Грузии, абхазы участвовали в походе царя Лаша-Гиоргия – сына и преемника царицы Тамар – на Ганджу. Этот же источник повествует о том, как Лаша-Гиорги „охотился в Цхуми и Абхазии и ведал делами тамошними“. Данное сообщение привлекает интерес в том плане, что летописец четко отделяет друг от друга Цхуми и Абхазию. Это лишнее доказательство того, что в XIIIв. эти области не составляли одну административную единицу, не говоря уж о владетельном княжестве – Абхазия, чуть ли не в границах современной автономной республики.

Абхазы также активны на общегрузинской арене и в период правления царицы Русудан. При активном участии абхазов произошло провозглашение Давида – сына Русудан царем Грузии в Кутаиси. В конце 40-х годов XIIIв., после поражения антимонольского восстания, тот же Давид, сын Русудан, прозванный монголами Нарином, вынужден был покинуть Тбилиси и перебраться в Западную Грузию, где, по словам грузинского летописца, „абхазы, сваны, Дадиани, Бедиани, Рачинский эристав и все жители Лихт-Имерети собрались с огромной радостью и объявили его царем“. С этого времени единое грузинское государство фактически распалось на два царства. В Восточной Грузии правил сын Лаша-Гиоргия – Давид (Улу), в Западной Грузии – Лихт-Имерети Давид Нарин фактически создал отдельное государство, которое просуществовало до конца 20-х годов XIVв. Территория современной Абхазии оказалась в пределах государства Давида Нарина.

Интересное сообщение о деятельности этого монарха на территории современной Абхазии сохранилось в надписи, высеченной на одной серебряной иконе из Илорского храма (находится близ нынешнего города Очамчире), что прямо свидетельствует о принадлежности данного региона к общегрузинскому христианскому миру и в этот период. Вопрос этот поднят нами не случайно: сепаратистские настроенные историки и отдельные русские исследователи рьяно пытаются распространить мысль о существовании в средних веках абхазской национальной церковной организации – „Абхазского Католикосата“.

Прежде чем разъяснить национально-культурную сущность т.н. „Абхазского Католикосата“, считаем нужным вкратце затронуть вопрос о возникновении этого института. В историографии всё еще нет точного ответа, когда начал функционировать т.н. „Абхазский Католикосат“. Хотя в источниках нет прямых подтверждений, гипотетически вполне можно допустить возникновение в Западной Грузии самостоятельной церковной организации во главе с Католикосом еще во времена правления „Леонидов“ в „Абхазском царстве“, т.е. в IX-Xвв. В этой связи, ученые обращают внимание, прежде всего, на сообщение грузинского историка XVIIIв. Вахуштия Багратиони о том, что западногрузинская церковь, „при помощи... Леона и его наследников, освободилась от зависимости греков (т.е. Византии – **З.П.**), ибо об этом свидетельствует имя его, так как именуют его католикосом Абхазети, а не Эгриси или Имерети“. В XI-XIIвв. мало что известно об „абхазских“ католикосах и лишь с XIIIв., в связи с воцарением Давида Нарина в Западной Грузии, встречаем упоминание о них. Окончательное же оформление „Абхазского“ католикосата, как самостоятельной церковной организации, происходит во II пол. XVв. и следует особо отметить, что собственно абхазы не имели к этому никакого отношения. Этот акт произошел по инициативе западногрузинских лидеров – Имеретинского (он же и Картли-Имеретинский) царя Баграта и великого эриставт-эристава Дадиани-Гуриели Шамадавле, которые, при непосредственном участии Антиохийского патриарха Михаила, возвели на престол католикоса „Лихтимера и Абхазии“ владыку Иовакима. По этому поводу был составлен специальный документ – „Мцнеба сасджуло“ („Каноническая заповедь“), в котором, помимо прочего, были указаны границы деятельности „Абхазского“ католикоса: Имерети, Гурия, Одиши, Абхазети, вся Аджария, Шавшети и Кларджети.

В историографии совершенно однозначно признано, что учреждение „Абхазского“ католикосата во II пол. XVв. означало победу сепаратистских устремлений руководителей Западной

Грузии – царя Имерети Баграта и главы владетельского дома Дадиани – Шамадавле, которым, в угоду своих политических амбиций, понадобилась „своя“ церковь, независимая от Мцхетского католикосата, олицетворявшего общегрузинское идеологическое единство. То, что т.н. „Абхазский“ католикосат, вопреки фантастическим выдумкам любителей сенсации, представлял собой не абхазскую, а чисто грузинскую церковную организацию, наглядно свидетельствуют другие письменные источники и, прежде всего памятники, непосредственно освещающие деятельность „Абхазского“ католикосата: т.н. „Большой ядгар Абхазского католикосата“ (или „Бичвинтский ядгар“) и „Большой ядгар крестьян Абхазского католикосата“. Первый из этих памятников, по мнению исследователей, создавался в XVI-XVIII вв. и в основу его древнейшей части, или собственно „Ядгара“, составленного на рубеже XVI-XVII вв., был положен „Ядгар“ Баграта III – известного имеретинского царя, правившего в 1510-1565 гг., пожалованный Бичвинтской (Пицундской) церкви, а вторая часть этого памятника представляет собой сборник жалованных грамот имеретинских царей, католикосов и владетельных князей Западной Грузии. Что же касается второго памятника, то он был составлен в 1621 г. по заказу католикоса Малакии и в нем зафиксированы принадлежащие католикосу крестьяне в пределах Имерети, Гурии и Одиши.

Таким образом, как видим, национально-культурный облик т.н. „Абхазского“ католикосата не вызывает никакого сомнения: данная церковная организация целиком и полностью была грузинской. Единственное, что связывает т.н. „Абхазский“ католикосат с абхазским этническим миром, это то, что резиденция католикосов долгое время (по мнению З. В. Анчабадзе, вплоть до середины XVII в.) находилась в Бичвинта (Пицунда), т.е. на территории Абхазского эриставства. Тот факт, что центром Западно-грузинской церкви являлась Бичвинта, может говорить лишь об одном – этнические абхазы и в это время продолжали оставаться в ареале грузинского христианства. Вместе с тем, следует отметить, что и после переноса резиденции „Абхазских“ католикосов из Пицунды в Гелати, Бичвинта-Пицунда оставалась важнейшим центром западногрузинской церкви. Там происходило освящение мира и другие торжественные ритуалы.

После смерти Давида Нарина (1293 г.) в Западной Грузии началась междоусобица, чем воспользовался Гиорги Дадиани, который, по словам царевича Вахушти, „прибрал к своим рукам Цхумское эриставство и завладел Одиши целиком до Анакопии“.

На протяжении всего XIV в. Западногрузинские эриставы, в том числе эриставы Абхазии – Шарвашидзе стабильно проявляли верность к центральной власти, т.е. Тбилисскому престолу, чем значительно способствовали сохранению единства общегрузинского государства. Вместе с тем, в это время, в пике имеретинских Багратионов и благодаря поддержке центральной власти происходит дальнейший рост могущества правителей Одиши (Мегрелии) – Дадиани, которые становятся фактическими лидерами Западной Грузии. Они на протяжении XIV столетия постоянно владели Цхумским эриставством. Под их влиянием находились и эриставы Абхазии – Шарвашидзе. По данным арабских (ал-Муhibби, ал-Калкашанды) и западноевропейских (Июсафат Барбаро) авторов XIV-XV вв. граница Мегрелии „простиралась до Черкесии“, а „Дадимани (Дадиани) управлял Сухуми и Абхазом“. Цхуми-Сухуми был стольным городом правителей Одиши-Мегрелии. Именно в этом городе находился монетный двор, где один из наиболее влиятельных представителей дома Дадиани – Вамек I (1384–1396) чеканил собственную монету.

В начале XV в. царь Грузии Гиорги VII (1393–1407) подтвердил права преемника Вамека I Дадиани – Мамия (1396–1414) на Цхумское эриставство. В 1414 г. Мамия Дадиани организовал военную экспедицию для „покорения абхазов“. Однако эристав Абхазии „Шарвашидзе с абхазами... истребили мегрелов, убили Мамия Дадиани“. В конфликт вмешался царь объединенной Грузии Александр I Великий (1412-1442), который вступил в Абхазию. Эристав Абхазии Шарвашидзе встретил царя почитательно, „подчинился... его повелениям“.

В середине XV в., по указаниям иностранных наблюдателей правители Одиши – Дадиани (Бедиани) признавались „царями Мегрелии и Абхазии“. Примечательно, что только с их согласия Генуэзское правительство назначало своего представителя (консула) в Севастополе-Сухуми.

Падение Константинополя (в 1453 г.) и активизация турков-османов в северном и восточном Причерноморье внесли существенные коррективы в геополитическую обстановку региона, а это повлекло за собой серьезные осложнения на территории современной Абхазии. В 1454 г. турки высадили первый десант в районе Сухуми и разграбили город, а также побережье Абхазии. Однако, царь Грузии Гиорги VIII (1446–1466), молниеносно отреагировав, незамедлительно

вступил в Абхазию и „вернул местных жителей в свои дома, привел в порядок укрепления и управившись делами тамошними возвратился в Гегути“ (одна из резиденций царей Грузии).

В 1455г. на Сухуми „внезапно напали“ уже „абогази“ (джико-абхазы) и обратили местное население в бегство. В 60-х годах XVв. Абхазское эриставство по-прежнему было вовлечено в общегрузинские политические процессы. В это время эристав Абхазии Шарвашидзе поддержал Баграта Багратиони „объявившего себя царем Лихт-Имерети“ (Западная Грузия)“, за что получил от Кутаисского престола „власть над абхазами и джиками“. Абхазское эриставство во второй половине XVв. признавало сюзеренитет правителя Одиши-Мегрелии, при этом „Верхняя Абхазия“ непосредственно входила в состав Одишского княжества, а „Абхазией до Джикети владел Шарвашидзе“, который „подчинялся не всем повелениям Дадиани“.

Глава IV

3. 3. Папаскири

Политический и социально-культурный облик Абхазии в XVI-XVIIIвв.

Начиная с XVIв. на территории современной Абхазии произошли существенные изменения. Она из высокоразвитого феодального региона, где процветали христианская культура и книжность, постепенно превратилась в отсталую страну с примитивным патриархальным хозяйством и реанимированными языческими верованиями. Как грузинские („Каноническая заповедь“, сочинение Вахуштия Багратиони), так и иноязычные источники (сведения католических миссионеров Арканджело Ламберти, Джованни да Лука и др.) документально подтверждают, что „абхазы... отошли от христианства и отступили от заповедей Христа“, и что „их образ жизни такой же какой у Черкесов“.

Изменения, произошедшие в социально-культурной жизни Абхазии в XVI–XVIIIвв., в основном были вызваны новым натиском с Северного Кавказа родственных джико-абхазских племен и их экспансией сначала в пределах Абхазского эриставства, а затем и на остальной территории нынешней Абхазии. В историографии (в том числе и в трудах абхазских исследователей) не вызывает сомнения, что предания адыгов о „покорении Абхазии“ (в первой четверти XVв.) предводителем адыгов Иналом и его сподвижниками, абазинскими князьями Аше и Шаше, являются отголосками реальных событий и что в этих исторических преданиях „часто рассказывается о том, как приходили в Абхазию один за другим целые роды или отдельные лица откуда-то с Севера из-за гор“ (Ш. Д. Инал-ипа).

Эриставский дом Шарвашидзе, на протяжении многих столетий олицетворявший общегрузинский государственный порядок в регионе, не только не препятствовал проникновению джиков-абхазов в пределы вверенного им Абхазского эриставства, но, наоборот, сам выступал в роли главного организатора дальнейшей экспансии названных горских племен в юго-восточном направлении и использовал их в своей борьбе против владельцев Одиши-Мегрелии.

В XVв. центральной власти Грузии все же удавалось как-то сдерживать натиск джико-абхазов, однако, после распада единого грузинского государства (конец XVв.) это становилось все труднее. На первых порах владельцы Одиши–Мегрелии, которые по-прежнему контролировали большую часть территории современной Абхазии, временами пытались нанести превентивные удары по джикам-абхазам. Так в 1533г. владетельный князь Мегрелии Мамия III Дадиа-

ни, пожаловавший в период своего правления (1512–1533) Бичвинтской (Пицундской) Богоматери несколько селений с дворянами и крестьянами (в том числе селения, расположенные непосредственно в окрестностях самой Бичвинты-Пицунды: Аитарне, Аруха и Рабица) вместе с Мамией I-м Гуриели, при поддержке имеретинского царя Баграта III (1510–1565) снарядил морскую экспедицию и высадился в Джикети. Но этот поход завершился поражением Дадиани и Гуриели: сам Мамия Дадиани был убит, а Мамия Гуриели попал в плен.

Несмотря на это, на протяжении всего XVIв. значительная часть территории современной Абхазии „до Сухуми“ считалась „Дадианской землей“. Контроль над Сухуми владетельский дом Дадиани потерял в 1578г., когда турки высадили десант и объявили о создании Сухумского бей-лербейства. В начале XVIIв. ослаблением Одиши–Мегрелии воспользовались представители Абхазского эриставского дома Шарвашидзе и предприняли энергичные шаги для выхода из-под контроля дома Дадиани. Принято считать, что именно в это время завершилось формирование независимого от Одиши–Мегрелии Абхазского владетельного княжества. Граница между владениями Дадиани и Шарвашидзе в этот период (в 1630г.) по документальному свидетельству итальянского миссионера Джованни да Лука проходила в окрестностях Сухуми–Скисорнума, по реке Абсе (совр. р. Беслетка). Одной из резиденций Одишского владетеля оставалась Меркула (в совр. Очамчирском р-не), где в 1615г. Леван II Дадиани подписал мирный договор с Османской империей. Позже, в 1639г., неподалеку от Меркула, в Киачи была похоронена жена Левана Дадиани – Нестан-Дареджан, а поминки были устроены во дворце владетеля в Квитоули (также в Очамчирском р-не). Еще один дворец Левана II Дадиани был расположен на берегу реки Галидзга. Этот дворец по просьбе „Абхазского“ (Западно-грузинского католика Малакии II – Гуриели Одишским владетелем был пожалован патриаршей кафедре – Бичвинтской (Пицундской) Богоматери.

Леван II Дадиани (1611–1657) в 30-х годах XVIIв. организовал военную экспедицию вглубь Абхазии, во время которой он достиг реки Капоетисцкали (р. Бзиби), где разбил отряды джико-абхазов под командованием некоего Маршания и на время установил полный контроль над домом Шарвашидзе. Однако позже абхазы возобновили опустошительные походы в сторону владений Одишского княжества, что вынудило Левана II Дадиани соорудить фортификационные укрепления вдоль реки Келасури – т.н. „Келасурскую стену“. Данная стена „длиною в шестьдесят тысяч шагов“, по свидетельству Арканджело Ламберти, жившего долгое время (в сер. XVIIв.) в Мегрелии, была воздвигнута „для приостановления абхазских набегов“.

Во второй пол. XVIIв. абхамам все же удалось прорваться через Келасурскую преграду и перенести границу с Одиши к берегам р. Кодори, а затем уже овладеть территорией между реками Кодори и Ингури. Так, к началу XVIIIв. территория Абхазии обрела ее нынешнее очертание. Абхазское княжество с самого начала не было строго централизованным государственным образованием. Уже в начале XVIIIв. Абхазия распалась на три фактически самостоятельные владения: Северную часть – территорию между реками Бзиби и Кодори получил старший сын Зегнака Шарвашидзе – Ростом; район между реками Кодори и Галидзга, или Абжуа (по-абхазски средняя страна) перешел к Среднему сыну – Джикешии; а территорию между реками Галидзга и Ингури унаследовал младший сын – Квапу, после смерти которого этим регионом управлял его сын – Мурзакан. От него и пошло название этого края – Самурзакано.

Абхазия, несмотря на произошедший резкий возврат к первобытности, вызвавшего спад общего культурного уровня, и в это время оставалась в ареале грузинской письменной культуры и книжности. Языком государственного делопроизводства и в этот период был исключительно грузинский. Об этом свидетельствуют грамоты, клятвенные книги и другие документы, исходившие из канцелярии владетельных князей Абхазии. Даже во II пол. XVIIIв., когда Османская империя усилила свое давление на Абхазию и заставила представителей Абхазского владетельского дома Шарвашидзе принять ислам, Абхазия не была полностью вытеснена из общегрузинского культурно-языкового пространства. Не случайно, что большинство представителей дома Шарвашидзе (среди них даже те, которые были вынуждены принять ислам), носили общепринятые в грузинской среде традиционные имена (Ростом, Манучар, Зураб и др.).

Все это однозначно свидетельствует о том, что **экспансия джиков-абхазов в юго-восточном направлении, организуемая абхазским домом Шарвашидзе, и их закрепление на территориях, принадлежавших ранее владетелям Одиши-Мегрелии, несмотря на определенные особенности, в целом не выходили из рамок феодальной междуусобицы. Пред-**

ставители рода Шарвашидзе, расширяя пределы своих владений за счет территорий соседнего Одишского княжества, отнюдь не стремились к созданию некоего апсуа-абхазского национально-государственного образования, не имеющего ничего общего с грузинской государственной и политической системой, а всемерно пытались, так же как и мегрельские Дадияни и гурийские Гуриели, выдвинуться на ведущие позиции именно внутри-грузинского государственно-политического пространства. Т.е. Абхазский владетельский дом Шарвашидзе не представлял себя вне грузинского государственного и культурно-политического мира и, при первом же удобном случае, не упускал шанс сесть как на Одишский владетельский, так и на Имеретинский царский престол. Первым это попытался сделать Сорех Шарвашидзе, который в начале 80-х годов XVIIIв. провозгласил себя (правда, безуспешно) владетелем Одиши. На левом берегу р. Ингури закрепился и Квапу Шарвашидзе, который занял Рухи, где скончался в 1704г.

С 30-х годов XVIIIв. усиливается давление турков-османов на Абхазию. Фактически, именно в это время происходит окончательное покорение Абхазии и Джикети. С владетельского престола был свергнут Манучар Шарвашидзе, который вместе с младшими братьями Зурабом и Ширвани был увезен в Турцию. Вернуть свои права на Абхазию дому Шарвашидзе удалось лишь путем принятия ислама, хотя Манучару было запрещено вернуться в Абхазию, и он довольствовался должностью Батумского бея. Ширвани стал Потийским пашой. В Абхазию возвратился лишь Зураб, назначенный Сухумским беем, которого абхазы приняли с большим почетом, он был крещен в Илорском храме и объявлен владетельным князем. Наследником престола Зураб Шарвашидзе объявил своего племянника, сына Манучара – Келаиш-Ахмед-бея, находившегося с малых лет заложником в Стамбуле. В Абхазию вернулся и другой племянник Зураба Шарвашидзе, сын Ширвани – Бекир-бей, которому новый владетель пожаловал Абжуйскую Абхазию.

Несмотря на всю нестабильность политической ситуации в целом и усиления турецкого давления, Абхазия и в это время не была оторвана от остальной Грузии и по-прежнему рассматривалась как составное звено западно-грузинской политической системы. Лидеры Абхазии, и не только самурзаканские князья, которые считались вассалами одишского владетельного дома Дадияни, но и владетельные князья Абхазии активно участвовали в политических процессах Западной Грузии и всемерно пытались использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. В этом плане особенно большого успеха добился Келаиш-бей Шарвашидзе, который на рубеже XVIII–XIX вв. предпринял энергичные шаги для заполучения владения Дадияни – „Самурзаканской Абхазии“.

Глава V

Установление российского господства над Абхазским княжеством

К началу XIX в. произошли существенные изменения в геополитической обстановке Кавказа. Со II пол. XVIIIв. Российская империя активно стала наращивать свое влияние в южном направлении и приступила к вытеснению Турции из Северного и Восточного Причерноморья. Грузинские политические образования и, прежде всего, Картли-Кахетинское и Имеретинское царства, видевшие в единой России покровительницу христианско-православного мира, открыто поддерживали и всемерно поощряли военно-политическую активность Российской империи против Турции. Представители рода Шарвашидзе, особенно его самурзаканской ветви, шли в ногу общей анти-османской конъюнктуры грузинских лидеров. Ярким подтверждением этого было участие самурзаканского князя Левана Шарвашидзе (в составе Одишского войска) в

осаде Потийской крепости в 1771г., организуемой русским экспедиционным корпусом под командованием ген. А. Сухотина во время русско-турецкой войны (1768-1774гг.). К этой антиосманской компании подключился и владетель Абхазии Зураб Шарвашидзе, который при поддержке самурзаканского князя Левана Шарвашидзе восстал против турок и очистил Сухумскую крепость от них. Правда, впоследствии возникли разногласия между Зурабом и Леваном Шарвашидзе, и этот последний продал Сухумскую крепость туркам.

В 1801г. Российская империя упразднила Картли-Кахетинское царство и установило непосредственное российское правление в Восточной Грузии, после чего приступила к присоединению и Западной Грузии. 2 декабря 1803г. в селе Чаладиди Григол Дадиани подписал договор с Россией и признал верховный сюзеренитет российского императора. 9 июля 1805г. в селе Бандза состоялся церемониал вступления на владетельский престол Одиши-Мегрелии Левана V Дадиани. В церемониале, наряду с представителями одишской аристократии, приняли участие Леван и Манучар Шарвашидзе, которые, официально подтвердив принадлежность Самурзакано „самодержавному таваду Мегрелии Дадиани“, также присягнули на верность российскому императору. Это означало вхождение Самурзакано как неразрывной части Мегрельского княжества в состав Российской империи.

Политический акт, совершенный в Бандзе, и особенно официальное признание российской стороной Самурзакано как владение дома Дадиани, был прямым ударом по Келайш-бею Шарвашидзе, однако, владетель Абхазии, трезво оценив сложившуюся ситуацию, счел нужным не обострять отношения с Одиши-Мегрелией и 26 мая 1806г. направил дружественное послание Нино Багратиони-Дадиани – матери нового владетеля Одиши – Левана V Дадиани, управлявшей тогда княжеством.

После начала новой русско-турецкой войны (1806-1812) российская дипломатия обратила взоры на Абхазию, владетель которой Келайш-бей Шарвашидзе все больше стал проявлять непокорность к Порте. По инициативе владетельного князя был созван всенародный сход абхазов, который одобрил решение Келайш-бея Шарвашидзе принять российское покровительство. В ответ турецкие власти организовали заговор против Келайш-бея, и 2 мая 1808г. он был убит собственным сыном Асланбеем, который занял Сухумскую крепость и объявил себя новым владетелем Абхазии. Однако, против отцеубийцы выступил его брат Сафар-бей (Гиорги) Шарвашидзе, который обратился к владетельнице Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани с просьбой похотатайствовать перед императором об установлении российского покровительства над Абхазским княжеством. После соответствующей дипломатической процедуры, в которой главное место отводилось обращению Сафар-бея (Гиорги) Шарвашидзе Российскому императору с официальной просьбой, составленной на грузинском языке, в Санкт-Петербурге было принято решение о присоединении Абхазии к России. Следует особо отметить, что, **принимая Абхазию в лоно Российской империи, не только грузинские и абхазские лидеры (особенно Нино Багратиони-Дадиани и владетель Самурзакано Манучар Шарвашидзе), но и сами высокопоставленные деятели российской администрации на Кавказе (П. Цицианов, И. Гудович) однозначно рассматривали ее как частицу общегрузинского политико-государственного организма и, прежде всего, именно этим обосновывали необходимость включения Абхазии, наряду с другими грузинскими единицами в состав Российской империи.** Да и сам Сафар-бей (Гиорги) Шарвашидзе, направляя грузинский оригинал своих „просительных пунктов“ российскому императору, открыто продемонстрировал свою принадлежность к общегрузинскому культурно-политическому пространству. Т.е. **с оформлением своего официального документа на грузинском языке Абхазский владетель совершенно однозначно дал понять российской стороне, да и всему мировому сообществу, что в международных отношениях Абхазское княжество представляет именно грузинский национально-государственный и культурно-политический мир.**

8 июля 1810г. в окрестностях Сухуми был высажен прибывший из Севастополя русский десантный отряд, который вместе с регулярными частями ген. Дмитрия Орбелиани 10-20 июня освободил крепость. А в октябре 1810г. в Сухуми тот же ген. Д. Орбелиани, от имени российского императора торжественно вручив Гиоргию Шарвашидзе „высочайшую грамоту и знаков владельческих“, официально провозгласил его владетельным князем Абхазии.

Итак, с 1810г., с установления Российского протектората над Абхазским домом, Абхазия, наряду с другими грузинскими политическими образованиями – Картли-Кахетинское царство,

Имеретинское царство, Мегрельское княжество – официально вновь оказалось в едином со всей Грузией в государственном пространстве.

Глава VI

Абхазское княжество в 1810-1864гг.

Установление покровительства Российской империи над Абхазским княжеством, которое фактически было достигнуто путем военной агрессии и оккупации края (во всяком случае, так это было воспринято значительной частью абхазов), вызвало серьезные политические осложнения. Асланбей Шарвашидзе, потерпевший поражение в борьбе за владетельский престол, упорно стремился к реваншу. В своей борьбе за власть, он всецело опирался на протурецки настроенных феодалов и, поддерживавших их, достаточно широких слоев абхазского населения.

В 10-20-х годах XIXв. шло почти перманентное противоборство между сторонниками курса Георгия Шарвашидзе и поддерживавшими Аслан-бея Шарвашидзе протурецки настроенными кругами. Георгию Шарвашидзе удалось сохранить власть исключительно благодаря российским штыкам, а также решительной поддержке Мегрельского владетельского дома Дадиани. В 1821г., после кончины Георгия Шарвашидзе разразился политический кризис, который перерос в открытый антирусский мятеж. Однако, экспедиционный корпус ген. М. Горчакова самым жестоким образом расправился с мятежными абхазами. Были сожжены и опустошены Сухуми и его окрестности, не пощадили даже дворец владетельных князей. На владетельский престол вступил сын Георгия Шарвашидзе, воспитанник владетельницы Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани – Дмитрий (Омар-бей) Шарвашидзе. Но его правление оказалось кратковременным. Он был отравлен на первом же году своего княжения в октябре 1822г., после чего новым владетельным князем был провозглашен младший брат Дмитрия – одиннадцатилетний Михаил (Хамут-бей) Шарвашидзе.

Возведение на владетельский престол Михаила Шарвашидзе не положило конец политическому кризису. В 1824г. в Абхазии вспыхнуло новое мощное антирусское восстание. На помощь восставшим абхазам, которые добивались возвращения Аслан-бея пришли родственные горские племена садзов и убыхов. Для подавления восстания в Абхазию вновь был переброшен корпус ген. П. Горчакова (до 2-х тысяч солдат). Вместе с ним в Абхазию двинулось 1300 всадников мегрельского ополчения. Участие мегрельской дружины на стороне российских оккупационных сил было обусловлено стремлением владетельного дома Дадиани не допустить приход к власти в Сухуми ставленника Оттоманской Порты Аслан-бея Шарвашидзе и любым способом обеспечить пребывание на владетельском престоле представителя дома Георгия Шарвашидзе. Российским войскам, действовавшим в Абхазии по предписанию главнокомандующего на Кавказе ген. А.П. Ермолова „огнем и мечом“, хоть и с большим трудом, но все же удалось подавить восстание: Асланбей Шарвашидзе сбежал в Турцию. Однако и молодому владетелю Михаилу Шарвашидзе также пришлось на несколько лет покинуть пределы княжества.

Восстание 1824г. толкнуло российских властей на более решительные действия против мятежных абхазов и других горцев. Царская администрация успешно начала претворять в жизнь наказ императора Николая I, который прямо призывал к „усмирению навсегда горских народов или истреблению непокорных“. Для установления полного государственного контроля над непокорными горскими племенами был разработан целый пакет мероприятий на Кавказе, среди которых значительное место отводилось т. н. „Абхазской экспедиции“, что подразумевало овладение побережьем Абхазии и установление прямого сухопутного сообщения между Сухуми и Анапой. Этот план был осуществлен в 1830-1831гг. лишь частично – в пределах Сухуми и Гагры. Но затем в 1837-1839гг. царская администрация завершила строительство укреплений между

Гагрой и Анапой и этим самым создала единую систему Черноморской береговой линии, которая тянулась от устья реки Кубань до поста св. Николая (Шекветили), у устья реки Супса.

С создания Черноморской береговой линии покорение Абхазии Российской империей фактически было завершено. На этом пути важной вехой стала военная экспедиция в Цебельду в 1837г., которой непосредственно руководил главнокомандующий на Кавказе барон Г.В. Розен. Владетели Цебельды представители княжеского рода Маршания, фактически возглавлявшие в ту пору антирусский фронт в Абхазии, сложили оружие и были вынуждены „присягнуть на верность“ Российской империи. После установления контроля над Цебельдой российскими войсками, этот регион не был передан владетелю Абхазии Михаилу Шарвашидзе, и там было введено русское управление. Цебельда стала русской административной единицей – приставством. Но этим проблема окончательного усмирения Абхазии все же не была решена. В 1840г. началось очередное антирусское восстание, которое охватило почти все Абхазское побережье. Центром противостояния стало Дальское ущелье, где российским войскам организованное сопротивление оказывали Дальские князья Шабат и Эшсоу Маршания. Экспедиционный корпус полковника Н. Муравьева при поддержке владетеля Абхазии Михаила Шарвашидзе жестоко расправился с мятежниками.

В 1840г., по решению российских властей, Самурзакано, которое на протяжении почти одного столетия являлось камнем преткновения между Абхазским и Мегрельским владетельскими домами, и в 1805г. официально признанное Россией за Мегрелией, было отобрано у владетельского дома Дадиани за определенное денежное вознаграждение. Там была образована отдельная административная единица – приставство, которое позже непосредственно вошло в пределы Кутаисской губернии. Такое решение Самурзаканского вопроса разочаровало владетеля Абхазии Михаила Шарвашидзе, который годом раньше – в 1839г. официально обратился с просьбой властям Российской империи подтвердить его владетельские права на Самурзакано. С этого времени владетель все меньше стал доверять российским властям. Более того, в 1847г. раздосадованный Михаил Шарвашидзе подал прошение об оставлении им владетельского престола. Он просил Российских властей, чтобы ему разрешили поселиться в Имерети с предоставлением 1500 дворов крестьян освобожденных от правительственных податей и налогов. Однако, учитывая сложившуюся в то время военно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, которая явно не складывалась в пользу империи, власти сочли преждевременным лишение Михаила Шарвашидзе владетельских прав и упразднение Абхазского княжества.

Ситуация в корне изменилась после завершения русско-турецкой войны 1853-1856гг. Имперская администрация на Кавказе, крайне возмущенная „двуличным поведением“ Михаила Шарвашидзе в 1854-1855гг., когда он, генерал-лейтенант российской армии и одновременно генерал-адъютант Его Императорского Величества, фактически отстранился от борьбы против турков и даже в какой-то степени сотрудничал с турецким оккупационным режимом в Абхазии, однозначно поставила вопрос о смещении Михаила Шарвашидзе с владетельского престола и ликвидации Абхазского княжества. Однако, Михаил Шарвашидзе спасла одна из статей заключенного в Париже мирного трактата „о даровании прощения виновным в каком-либо в продолжении военных действий соучастии с неприятелем“. Российское правительство, потерпевшее сокрушительное поражение в войне 1853–1856гг., не могло допустить дальнейшую изоляцию России на международной арене, что, безусловно, могло последовать в случае нарушения условий мирного договора. Исходя из этого, в Санкт-Петербурге решили смягчить позицию по отношению к владетелю Абхазии и на этот раз не привлекать его к ответственности „во избежание могучих возникнуть впоследствии со стороны иностранных держав притязаний“. Было предложено: „действия правосудия“ над Михаилом Шарвашидзе отложить „до другого, более благоприятного времени“.

Осторожность высшего российского руководства была обусловлена и другими обстоятельствами, и, в первую очередь, тем, что в продолжавшейся Кавказской войне все еще не было решающего перелома, а в этой ситуации было бы опрометчивым взрывать обстановку в Абхазии. Помимо этого, учитывался и большой авторитет владетеля Абхазии – „воспитанника убыхов“ среди горцев Западного Кавказа.

В мае 1864г. в урочище Кбаада (совр. Красная Поляна) российские регулярные войска, истребив непокорные западно-абхазские племена и горные общества: Псху и Аибга, „победным парадом своих войск на Красной поляне“ торжественно объявили об окончании Кавказской

войны. После покорения Кавказа уже наступили „более благоприятные времена“, и российские власти приступили к процедуре упразднения Абхазского княжества. В марте 1864г. наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, подготовил записку „О положении в Абхазии“, в которой изложил мотивы и план ликвидации княжеской власти в Абхазии. В нем главной причиной упразднения княжества называлось осуществление „высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзиби“. Наместник Кавказа предлагал „Из Абхазии образовать военный округ, который с Цебельдой подчинить особому начальнику на правах начальников отделов в областях, с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору“. Тогда же был разработан план выселения абхазов в Турцию и начала „русского народонаселения“ Абхазии.

Владетель Абхазии Михаил Шарвашидзе, предчувствовав приближение конца своего правления, еще в октябре 1863г. предпринял попытку продления княжеской власти путем передачи владетельского престола своему наследнику Гиоргию Шарвашидзе. Он направил соответствующее прошение начальнику главного штаба об освобождении князя Гиоргия, являвшегося тогда адъютантом наместника Кавказа, от службы. Свою просьбу Михаил Шарвашидзе мотивировал тем, что из-за болезни, он якобы был не в состоянии управлять княжеством и желал передать владетельский престол своему сыну и наследнику. Однако эту инициативу российские власти использовали как повод для его отстранения от власти. Разгневанный коварством царской администрации Михаил Шарвашидзе в знак протеста вообще отказался от своих почестей и снял с себя полномочия генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Этим самым он, фактически, вывел себя из-под юрисдикции России. Но этот дипломатический ход владетеля не удался. Имперские власти на этот раз были настроены решительно, и 24 июня 1864г. последовало официальное уведомление наместника Кавказа, в котором Михаилу Шарвашидзе напоминали все его прежние просьбы об освобождении от власти владетеля Абхазии и сообщалось о решении императора России об увольнении Михаила и его потомков „от управления навсегда Абхазией“ и введении там русского правления.

Владетель Абхазии решение российских властей встретил внешне спокойно. Единственное, о чем он просил, было, чтобы ему разрешили жить в Абхазии, а если это не будет дозволено, то тогда просил пожаловать ему имение в Имерети и разрешить жить зимой в Кутаиси, а летом – в Раче. В случае же отказа и на это, он просил разрешения на выезд в Иерусалим, где, по его словам, он „будет дожидаться смерти „у гроба господни“. В этот критический момент Михаил Шарвашидзе обратился с просьбой и к турецкому правительству, чтобы ему направили корабль, на котором он мог бы выехать в Константинополь. Но об этом стало известно властям. 5 ноября 1864г. Михаил Шарвашидзе был арестован и отправлен на военном корабле в Новороссийск. Оттуда смещенного владетеля перевели в Ставрополь, а позже, 25 июня 1865г., в Воронеж, где он и скончался 16 апреля 1866г. Тело покойного владетеля было доставлено в Абхазию, где его с большими почестями похоронили в Моквском храме.

Так закончилась история Абхазского владетельного княжества, своего рода последнего островка грузинской государственности. **То, что Абхазское княжество и в последние десятилетия своего существования представляло общегрузинский политико-государственный и социально-культурный мир, не вызывает никакого сомнения. Наиболее наглядно об этом свидетельствует тот факт, что государственным языком в Абхазии оставался грузинский язык. Именно на грузинском языке вела официальное делопроизводство канцелярия владетеля Абхазии.** Не менее ярким проявлением живучести связей с общегрузинским социально-культурным миром может служить и тот факт, что многие представители высшей абхазской аристократии носили грузинские имена. Более того, грузинские имена встречаются даже среди садзов-убыхов. Так, например, важными политическими фигурами в первой пол. XIXв. были **Леван Цанубана** (грузинско-мегрельская форма фамилии „Цанба“) и убыхский князь **Зураб Хамиш**. Обращает внимание и то, что нередко даже в русских документах абхазские дворяне названы не „аамста“ (абхазское название дворянского сословия) а „азнаурами“, т.е. по-грузински. И, наконец, **самым важным доказательством того, что Абхазский владетельский дом считал себя неразрывной частью общегрузинского христианского мира, является тот факт, что последнего владетеля, а затем и его сына Гиоргия Шарвашидзе похоронили в Моквском храме и эпитафию на их могилах сделали на древнегрузинском письме Асомтавули.**

Глава VII

Абхазия – „Сухумский отдел“ (округ) в 1864-1917гг.

После упразднения княжеской власти территория современной Абхазии была преобразована в Сухумский военный отдел „с подразделением на 3 округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и 2 приставства (Цебельдинское и Самурзаканское)“ с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору. Русская администрация сразу же приступила к наведению „государственного порядка“ в Абхазии, что в первую очередь подразумевало последовательное осуществление колонизаторской политики, главной целью которой было обрусение присоединенных на Кавказе областей, в том числе и Абхазии. Абхазское население с возмущением встретило проводимые правительством меры по наведению нового государственного порядка в крае. В 1866г. вспыхнуло мощное антирусское восстание.

Несмотря на то, что непосредственным поводом восстания послужило нежелание абхазских крестьян провести крестьянскую реформу, оно сразу же вышло далеко за рамки обычного социального бунта и переросло в широкомасштабное всенародное выступление антиколониального, национально-освободительного характера. Восставшие провозгласили новым владельцем Гиоргия Шарвашидзе и потребовали от него, чтобы тот возглавил борьбу своих соотечественников.

Правительство приняло срочные меры и направило значительные военные силы в Сухуми во главе лично с Кутаисским генерал-губернатором ген. Д. Святополком-Мирским, которому удалось подавить восстание. Руководители и зачинщики восстания были сурово наказаны. Имел место даже публичный расстрел активных участников восстания в Сухуми. Многие были сосланы в Сибирь и другие регионы России. Выслали и Гиоргия Шарвашидзе, которого направили

для прохождения службы в Оренбургский военный округ. Однако репрессии по отношению к восставшим этим не ограничились. Имперские власти всемерно стали поощрять махаджирство абхазов в Турцию. По подсчетам исследователей (Г. А. Дзидзария, С. З. Лакоба и др.), в это время Абхазию покинуло около 20 тысяч человек.

Но успокоить Абхазию империя так и не смогла. Воспользовавшись эскалацией антироссийских настроений среди абхазского населения, турецкому правительству весной 1877г., после начала очередной войны с Россией, удалось организовать „второй фронт“ в Абхазии. Восстание в 1877г. было самым крупномасштабным выступлением абхазов против России, поэтому оно повлекло за собой более жестокие, чем в 1866г., политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено „виновным“. Самым радикальным средством избавления от этого „виновного населения“ и „для устранения всякой... опасности со стороны Сухумского отдела“ властями было признано „переселение в Турцию жителей Абхазии“. Безнаказанными не остались даже те абхазы, которые решили не покидать родной край. Им было запрещено селиться в приморской зоне.

Российская империя, очистившая значительную территорию современной Абхазии от непокорного населения, действительно приступила к реализации широкой программы колонизации и внесения „в край русской гражданственности“, а „лучшим способом“ для успешного осуществления этой важнейшей государственной задачи была признана колонизация Абхазии исключительно „русским населением“. Вместе с тем, колониальные власти всемерно стремились „сблизить коренное население Абхазии и Самурзакано с русским и водворить среди него начало русской гражданственности“. Одновременно, предпринимались меры для ограждения абхазов „самым надежным образом... от грузинского влияния“ и для обеспечения в будущем слияния населения с русским“. Именно эту цель преследовали мероприятия правительства по вытеснению грузинской грамотности и книжности в 60-90-х годах XIXв. Для того, чтобы вырвать Абхазию из общегрузинского культурно-исторического организма, клерикально-черносотенные круги даже ставили вопрос о выводе Сухумской епархии из-под юрисдикции Грузинского экзархата и ее присоединении к Кубани. Более того, в начале XXв. имперскими властями предпринимались шаги для отделения Абхазии от остальной Грузии и в административном отношении. В 1903г. Сухумский округ „был выведен из непосредственного подчинения Кутаисскому губернатору и напрямую подчинен Кавказскому начальству в Тифлисе“. В 1904г. же, по ходатайству принца Ольденбургского, правительство приняло решение о присоединении Гагры с окрестностями к Черноморской губернии. А в 1914г., накануне первой мировой войны, наместник Кавказа поставил вопрос о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную губернию. Однако, в Абхазии, среди абхазов были силы, в основном представители дворянской элиты, которые не поддались антигрузинской пропаганде и заявили решительный протест по поводу попыток разрыва грузино-абхазского историко-культурного единства. Это было наглядно продемонстрировано во время приезда „абхазской депутации“ в Тифлис и ее встречи с наместником Кавказа, великим князем Николаем Николаевичем 26 апреля 1916г.

И все же постоянное политико-идеологическое давление на абхазское население, прикрытое фарисейскими заботами о поднятии культурно-национального самосознания „туземцев“, дало свои плоды. „Пробуждение абхазов“ происходило в условиях ярко выраженной антигрузинской конъюнктуры. В результате на арену вышли т.н. „новые абхазы“, которые и взяли в свои руки политическую инициативу в крае после Февральской революции в России. В Абхазии был создан местный орган Временного правительства – Комитет общественной безопасности, во главе которого оказался князь А. Г. Шервашидзе.

Абхазия в 1917-1921гг.

В октябре 1917г. абхазская делегация во главе с А. Шервашидзе посетила Владикавказ, где приняла участие в подписании т.н. „Союзного договора Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степи“. **Однако, субъектом т.н. „Юго-Восточного Союза“ становилась не Абхазия в целом, а лишь „горский народ Сухумского округа (абхазцы)“.** 8 ноября 1917г. в Сухуми, националистически настроенные силы ведомые А. Шервашидзе и Т. Маршания, С. Басария, М. Цагурия, М. Тарнава и др. за спиной коренного грузинского населения, представителей других национальностей, проживающих в Абхазии, созвали съезд абхазского народа, на котором образовали „Абхазский народный Совет“ и приняли официальные документы: „Декларацию съезда Абхазского народа“ и „Конституцию Абхазского Народного Совета“. Съезд официально подтвердил вхождение абхазского народа (не Абхазии), „в состав Союза объединенных горцев“. Вместе с тем, съезд фактически потребовал от местных органов (Окружного комитета, комиссаров и т.д.), чтобы их деятельность протекала „в контакте с Абхазским Народным Советом“. Этим самым Абхазский Народный Совет, представляющий интересы лишь одного народа, игнорируя волеизъявление коренного грузинского населения, а также других жителей региона, фактически узурпировал верховную власть в Абхазии. Съезд полностью отмежевался от остальной Грузии и будущее абхазского народа связал с „Союзом объединенных горцев“.

Чуть раньше, весной 1917г. представители новой абхазской „народной“ интеллигенции предприняли попытку отрыва Абхазии от остальной Грузии и в церковном отношении. 24-27 мая в Сухуми был созван съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения, на котором стоял вопрос об автокефалии абхазской церкви, но эта затея провалилась.

Решения I съезда абхазского народа взбудоражили Абхазию, особенно Самурзакано, которое однозначно высказалось за воссоединение Абхазии с остальной Грузией, при этом территория Сухумского округа (т.е. Абхазия – Самурзакано) должна была остаться „без изменения и ей следовало бы... дать национально-культурную автономию в своих границах“. Возникла реальная угроза раскола внутри Абхазии. Ситуация особенно обострилась после того, как большевистский режим, разогнав учредительное собрание в январе 1918г., вызвал глубокий политический кризис по всей территории бывшей Российской империи, переросший, впоследствии, в гражданскую войну. Накалилась обстановка и на Северном Кавказе, что со своей стороны, повлияло на ситуацию в Абхазии. Абхазский Народный Совет, лишившись поддержки со стороны Юго-Восточного Союза и Союза объединенных горцев Кавказа, был вынужден найти общий язык с Тбилиси.

9 февраля 1918г. в Тбилиси состоялась встреча между делегатами Абхазского Народного Совета (А. Шарвашидзе, М. Эмухвари, И. Маргания, полковник Н. Чкотуа, М. Цагурия) и представителями Национального Совета Грузии (А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, Н. Карцивадзе). Абхазская делегация согласилась с предложением „о необходимости вхождения Абхазии в состав Грузии на правах автономии“. Со своей стороны Тбилиси выражал готовность „содействовать восстановлению исторических границ Абхазии от р. Мзымта до р. Ингури“. Вместе с тем, обязательным условием реализации этой цели, грузинская сторона поставила „выход Абхазии из состава „Союза объединенных горцев Кавказа“.

Соглашение 9 февраля 1918г. не было неким „межгосударственным“ документом, т.к. в то время Грузия (не говоря уж об Абхазии) еще не приобрела статус суверенного государства (да и договаривающиеся стороны: „Национальный Совет Грузии“ и „Абхазский Народный Совет“ не были органами государственной власти). Несмотря на это, данное соглашение все же, имело большое историческое значение, т.к. оно действительно сняло напряжение и направило в конструктивное русло отношение между Тбилиси и Сухуми.

Урегулирование отношений между Тбилиси и Сухуми насторожило большевистское руководство Советской России, и оно сразу же инспирировало вооруженный путч в Абхазии. В результате Сухуми 16-21 февраля 1918г. оказался под контролем т.н. „Военно-Революционного Комитета“ во главе с известным абхазским большевиком Ефремом Эшба. Однако эта авантюра тогда провалилась. 4-9 марта 1918г. в Сухуми состоялся II крестьянский съезд Сухумского ок-

руга, который выразил единодушное желание „народа Абхазии и сознательной части его интеллигенции... войти в общую семью закавказских наций... и выковать свою судьбу и наилучшее будущее совместно с демократической Грузией“. Москва вновь ответила новой провокацией. На этот раз большевикам удалось взять власть в Сухуми дольше (с 8 апреля до 17 мая). В этой ситуации Абхазский Народный Совет был вынужден обратиться за помощью к правительству Закавказской Федеративной Республики, которая направила в Абхазию части Красной Гвардии. Общими усилиями Абхазского Народного Совета и Закавказской Красной Гвардии большевистская угроза была ликвидирована.

После распада Закавказской Федеративной Республики 26 мая 1918г. и образования Грузинской Демократической Республики, Абхазский Народный Совет, избранный в свое время исключительно представителями одного абхазского населения, не имея на это полномочия со стороны коренного грузинского населения, а также других жителей региона, постановил... принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии“. Это фактически означало декларирование независимости Абхазии от остальной Грузии. Но вместе с тем, чувствуя всю шаткость своего положения АНС, был вынужден обратиться к Грузинскому национальному совету (сосредоточившему в это время в своих руках фактическую власть в стране) „с дружественным представлением об оказании помощи в деле организации государственной власти в Абхазии, оставлением в распоряжении Совета (АНС – **З.П.**) отряда Грузинской Красной Гвардии“. По этому же постановлению АНС поручил ведение переговоров с грузинским политическим руководством Р. Какубава, В. Г. Гурджуа, Г. Д. Аджамову и Г. Д. Туманову.

Переговоры в Тбилиси завершились успешно, и 11 июня официально был подписан „Договор между правительством Грузинской Демократической Республики и Абхазским Народным Советом“. Согласно этому договору, при правительстве Грузинской Демократической Республики, „по представлению Абхазского Народного Совета“, назначался министр по делам Абхазии; АНС поручалось „внутреннее управление и самоуправление в Абхазии“; кредиты и деньги на управление Абхазией выделялись „из средств Грузинской Демократической Республики“..; и главное, „для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти, в помощь АНС и в его распоряжение правительство Грузинской Демократической Республики“ обязывалось послать в Абхазию „отряд Красной Гвардии“. Дипломатическая инициатива лидеров АНС и их желание согласиться на автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики, даже по признанию наиболее сепаратистки настроенных абхазских деятелей (в частности М. Тарнава), был продиктован „фактическим положением“ в регионе, а именно угрозой турецкой агрессии, с одной стороны, и боязнью установления большевистского режима с другой.

Таким образом, **договором 11 июня „абхазский народ**, – как это констатировал сам министр по делам Абхазии Р. Чхотуа, – **связал свою судьбу с Грузинским народом на автономных началах**“. Подобное решение „абхазского вопроса“ не устраивало большевиков, которые по-прежнему угрожали грузинско-абхазскому единству. Это вынудило правительство Грузинской Демократической Республики и Абхазский Народный Совет принять дополнительные меры для обеспечения безопасности абхазского участка северо-западных рубежей Грузинской Демократической Республики. 24 июня 1918г. АНС вынес специальное постановление „о необходимости занятия Сочинского и Туапсинского округов“ войсками ген. Г. Мазнишвили. Наступление грузинских войск в направлении Сочи-Туапсе было победоносным, 6 июля 1918г. под их контроль был взят Сочи, а 26 июля и Туапсе, однако, изменение военно-политической обстановки на северном Кавказе вынудило ген. Г. Мазнишвили оставить сперва Туапсе, а затем и Сочи.

Летом 1918г. антигрузински настроенные силы продолжали нагнетать обстановку внутри Абхазии. В августе 1918г. был организован вооруженный путч, ударную силу которого составил высаженный в Кодорском участке „турецкий десант“, состоящий в основном из абхазов „махаджиров“. В критической ситуации некоторые депутаты АНС были замечены в антигосударственных действиях. Это вынудило демократическое крыло АНС во главе с председателем совета В. Шарвашидзе выступить инициативой реорганизации АНС. Непокойно было и в Самурзакано, где бесчинствовали большевики. Ситуация настолько обострилась, что председатель АНС В. Шарвашидзе был вынужден обратиться с официальной просьбой к военному министру Грузии „выслать дополнительный отряд в Самурзакано для водворения порядка“.

После подавления „турецко-махаджирского“ путча протурецко настроенные силы, ведомые князем А. Шарвашидзе, на этот раз за помощью обратились к командованию „Добровольческой Армии“, во главе которой стояли царские генералы: М. Алексеев, А. Деникин. Однако, сложившаяся тогда на Северном Кавказе военно-политическая ситуация не позволила им перейти к открытой экспансии и силой занять Абхазию. В этой ситуации они предприняли попытку государственного переворота в Сухуми, где был организован вооруженный путч, во главе которого оказался министр по делам Абхазии Р. Чкотуа и окружной комиссар И. Маргания. Но благодаря оперативным действиям председателя АНС В. Шарвашидзе правительственным войскам удалось освободить здание АНС от ворвавшихся туда вооруженных лиц и арестовать зачинщиков путча. 10 октября в Тбилиси было направлено просьба-представление, подписанное председателем АНС В. Шарвашидзе, а также членами Совета: Д. Эмухвари, Я. Гогелашвили, И. Пашалиди, П. Геловани и др., в котором предлагалось распустить АНС „временно, впредь до созыва подлинного народного представительства, созванного на началах всеобщего избирательского права“.

На основании этого представления и, учитывая то обстоятельство, „что вообще члены АНС не были избраны в порядке, обеспечивающим подлинное выражение истинных интересов народных масс Сухумского округа, Правительство Грузинской Республики постановило: АНС в нынешнем составе объявить распущенным“ и „назначить новые выборы его на основании всеобщего избирательного права“. Была образована Центральная избирательная комиссия во главе с Варламом Шарвашидзе.

13 февраля 1919г. в Абхазии были проведены первые всеобщие демократические выборы в Народный Совет – высший орган государственной власти Абхазии. Победу на этих выборах одержала правящая социал-демократическая партия Грузии, которая получила подавляющее большинство (27 из 40) депутатских мест. Из 27 депутатов, прошедших в Народный Совет Абхазии (НСА) по партийному списку социал-демократической партии Грузии – 11 были абхазами, примерно столько же грузин, а остальные – 5 представителей других национальностей. **Всего же из 40 депутатов абхазов было 18, грузин – 16, а 6 – представителей иных национальностей.** Следует отметить, что в парламент Абхазии были избраны и лица, обвиненные в организации антигосударственного путча 9 октября: Р. Чкотуа, И. Маргания, Д. Алания и др. А также ставленник Алексеева-Деникина – А. А. Демьянов.

Параллельно с выборами в Народный Совет Абхазии были проведены и выборы в Учредительное Собрание Грузии. В парламент Грузии из Абхазии (по списку социал-демократической партии Грузии) прошли В. Шарвашидзе, Д. Эмухвари, В. Гурджуа, Д. Захаров, И. Пашалиди. Т.е. **из 5 депутатов, избранных в Верховный орган государственной власти Грузинской Демократической республики, из Абхазии – 3 были абхазы, 1 – русский, 1 – грек и ни одного грузина.** 20 марта 1919г. новоизбранный НСА принял „Акт об автономии Абхазии“. Следует отметить, что за I пункт „Акта“, который гласил: „**Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузии, как ее автономная единица**“, проголосовало 27 из 34 присутствовавших на заседании депутатов, трое воздержались, а четверо не приняли участия в голосовании. Что же касается II пункта „Акта об автономии Абхазии“, согласно которому „для составления Конституции Автономной Абхазии и определения взаимоотношений между Центральной и Автономной властью“ было предусмотрено избрание смешанной комиссии „в равном числе членов от Учредительного собрания Грузии и Народного Совета Абхазии“, то он был принят единогласно.

В Сухуми были подготовлены три проекта конституции автономной Абхазии:

1. Проект социал-демократической фракции Народного Совета Абхазии; 2. Проект комиссариата (правительства) Абхазии; 3. Проект группы депутатов (наиболее сепаратистский настроенных) НСА. **Во всех трех проектах однозначно был зафиксирован автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики.** В ведении центральных законодательных и исполнительных органов Грузии должны были находиться: внешняя политика, вооруженные силы, финансы, налоговая система, денежная система, таможенная система, общие судебные установления, почта, телеграф, железные и шоссейные дороги.

Важной вехой в процессе восстановления грузинско-абхазского культурно-идеологического единства стал чрезвычайный собор духовенства Сухумской епархии, созванный 7 октября 1919г. для „упорядочения церковных дел“, который принял решение о восстанов-

лении „на территории автономной Абхазии“ самостоятельной епархии Грузинского Католикосата „с наименованием ее Сухумско-Абхазской“. Этим был сделан еще один решительный шаг на пути дальнейшей реинтеграции Абхазии в общегрузинское культурно-политическое пространство и создания единой государственности.

С весны 1920г. НСА возобновил активную работу над проектом Конституции Автономной Абхазии. Осенью был уже создан окончательный вариант проекта конституции, который после неоднократного рассмотрения (в сентябре-октябре 1920г.) был утвержден НСА (16 октября 1920г.) и представлен в Учредительное Собрание Грузии. Однако, парламент Грузии, в целом одобрив представленный абхазской стороной проект конституции, тем не менее, воздержался от форсированного (до принятия конституции страны) утверждения конституции Автономной Абхазии. Вместо этого, малая конституционная комиссия Учредительного Собрания Грузии, на основании предложенного НСА проекта конституции, приняла временно заменяющий ее документ – „Положение об управлении Автономной Абхазии“, которое в последствии вошло в утвержденную Учредительным Собранием 21 февраля 1921г. – Конституцию Грузии.

Первая статья данного „Положения“ гласила: „Абхазия от реки Мехадыр до реки Ингури, и от берегов Черного моря до Кавказского хребта – неотъемлемая часть Республики Грузия и в этих границах автономно управляет своими внутренними делами...“. Этим самым, процесс оформления государственно-правовых отношений между Сухуми и Тбилиси фактически был завершен, и Абхазия конституционно закрепила за собой автономный статус в пределах единого Грузинского государства, чего так упорно и последовательно добивалась вся абхазская политическая элита того периода.

Однако, насильственное свержение регулярными частями Красной Армии большевистской России, грубо нарушившей договор между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой от 7 мая 1920г., законной власти суверенной Грузии и установление Советской власти, свели на нет успехи, достигнутые в 1918-21гг. в урегулировании государственно-правовых отношениях между Грузинской Демократической Республикой и Автономной Абхазией.

19 февраля 1921г. части Красной Армии форсировали р. Псоу и начали продвигаться в сторону Гагры и Сухуми. Так началась оккупация Абхазии большевистской Россией, которая завершилась торжественным объявлением Советской власти 4 марта 1921г. Борьбу населения Абхазии против агрессоров возглавил законно избранный высший орган власти автономии – НСА, который 23 февраля 1921г. вынес специальное постановление, согласно которому все руководство обороной было возложено на председателя Комиссариата (правительства) Автономной Абхазии Д. Эмухвари, назначенного генерал-губернатором края. По его приказу была объявлена мобилизация всех граждан автономии до 35-летнего возраста. Но силы были слишком неравными и российским войскам удалось прорвать оборону и занять Сухуми, а затем и всю Абхазию.

Глава IX

ССР Абхазия в 1921-1931гг.

После установления Советской власти большевистские лидеры Абхазии Е. Эшба и Н. Лакоба, чья антигрузинская пропаганда всецело строилась на „претворение в жизнь“ пресловутого лозунга „О праве нации на самоопределение“, сразу же поставили перед вышестоящими партийными инстанциями вопрос об объявлении Абхазии независимой от Грузии Советской Социалистической Республикой. 31 марта 1921г. Ревком Абхазии, заручившись поддержкой (хотя с некоторой оговоркой) вышестоящих партийных структур и, прежде всего, Кавбюро ЦК РКП(б), официально объявил о создании Советской Социалистической Республики Абхазия и в тот же день торжественно доложил об этом В. И. Ленину, не забыв при этом о „великой освободительной роли“ доблестной Красной Армии. 21 мая 1921г. уже Ревком Грузии официально признал и приветствовал „образование независимой социалистической советской Республики Абхазии, правда, выразив при этом уверенность в том, „что вопрос о взаимоотношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решен на первом съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов как Абхазии, так и Грузии“. На самом же деле, кремлевское руководство, грузинские коммунисты, да и сами абхазские большевики совершенно однозначно понимали всю нереальность создания „независимого“ Абхазского государства. **По признанию самих**

грузинских и абхазских большевистских лидеров (Г. Орджоникидзе, Н. Лакоба) объявление „независимости“ Абхазии было лишь временным явлением, по выражению Н. Лакоба – „на одну минуту“. То, что ССР Абхазия отнюдь не была „независимым государством“, даже до 16 декабря, когда она в качестве „договорной республики“ вошла в состав Грузинской ССР, однозначно видно из партийных и государственных документов того периода, в которых Абхазия, как правило, рассматривалась как автономная часть „независимой Грузии“ (И. Сталин). В частности Абхазия не упоминалась в известном письме В. Ленина „К коммунистам Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской Республики“. Упоминание об Абхазии отсутствует и в проекте федерации закавказских республик, направленным В. Лениным 28 ноября 1921г. в политбюро ЦК РКП(б), в котором предлагалось „Центральным Комитетам Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставить вопрос о федерации“ трех социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Абхазия, как независимый субъект, не фигурировала в созданном в августе 1921г. экономическом союзе Кавказа, в состав которого входили Грузия, Армения, Азербайджан, а так же: Дагестан, Горская Республика, Кабарда, Нахичевань. Не было ее и в „экономическом бюро“ закавказских республик, образованного Кавбюро ЦК РКП(б) 16 августа 1921г. В заседаниях пленума Кавбюро ЦК РКП(б) представитель Абхазии наравне с другими автономиями, участвовал лишь совещательным голосом.

Большевистскими руководителями Абхазии хотя и предпринимались попытки добиваться непосредственного (минуя Грузии) вхождения Абхазии в Закавказскую Федерацию, но из этого ничего не вышло. 16 ноября 1921г. Президиум Кавбюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос о взаимоотношениях между Абхазией и Грузией в присутствии Е. Эшба, принял постановление, в котором прямо указывалось „считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии“, и предлагалось „тов. Эшба представить свое окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав Федерации Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР“. 24 ноября 1921г. Кавбюро ЦК РКП(б) уже приняло решение, по которому Оргбюро РКП(б) в Абхазии было подчинено ЦК КП(б) Грузии, а Эшба был введен в состав ЦК КП(б) Грузии. Последняя же точка над этим вопросом была поставлена 16 декабря 1921г., когда в Тбилиси торжественно был подписан „Союзный договор между Социалистической Советской республикой Грузией и Социалистической Советской Республикой Абхазии“, согласно которому **Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве т.н. „договорной республики“.** По „Союзному договору“ объединенными объявлялись комиссариаты: военные, финансовые, народного хозяйства, почты и телеграфа, юстиции, чрезвычайная комиссия, рабоче-крестьянская инспекция и т.д. Иностранные дела оставались „целиком в ведении Социалистической Республики Грузии“. По 4-му пункту „договора“, Абхазия должна была входить во все краевые объединения, в частности в Федерацию Закавказских Республик... через Грузию, которая должна была предоставить „ей одну третью часть своих мест“.

Вхождение ССР Абхазии в состав Грузии было подтверждено во всех официальных документах съездов Советов как Абхазии, так и Грузии, а также Конституции Грузинской ССР (1922), в которой прямо говорилось, что „в состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджарии, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазии, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе особого союзного между этими республиками договора“. В „договоре об образовании СССР“ было разъяснено, что Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) – субъект СССР состоит из трех социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Что же касается самой Абхазии, то она не только не была самостоятельным субъектом, образующим СССР (таковой не была даже Грузинская ССР), но вообще фигурировала среди автономных республик. Более того, согласно 15-ой статье IV главы „Союзного договора“, „автономные республики Аджария и Абхазия“ (так написано в документе) де-факто, вовсе были приравнены к автономным областям РСФСР, т.к. в отличие от входящих в состав РСФСР автономных республик, которые в Верховный законодательный орган Союза в Совет национальностей направляет по 5 представителей, Аджария и Абхазия могли иметь только по одному представителю, т.е. столько, сколько имели автономные области Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская...“.

Абхазия в статусе автономной республики фигурировала и в Конституции СССР 1924г. В ней была подтверждена вышеприведенная статья из „Союзного договора“ и так-

же отмечалось, что „Автономные республики Аджарии и Абхазии, Юго-Осетинская, Нагорно-Карабахская и Нахичеванская автономные области посылают в Совет Национальности по одному представителю“. Об автономном статусе Абхазии в составе Грузинской ССР свидетельствует и тот факт, что бюджет Абхазии составлял часть бюджета Грузии, а правительство и партийные органы Абхазии были подотчетными законодательным и исполнительным органам Грузии, ЦК КП Грузии. В этой связи следует отметить и то, что Абхазская организация РКП(б) на первой же своей областной конференции (7-12 января 1922г.), приняла решение об ее переименовании в Абхазскую организацию Коммунистической партии (большевиков Грузии) и избрала делегатов на I съезд Коммунистической партии Грузии. Чуть позже 12-18 февраля 1922г. I съезд Советов Абхазии также избрал делегатов на I съезд Советов Грузии.

ССР Абхазия находилась в сфере действий законов и законодательных актов Грузинской ССР. Так, Президиум ЦИК и СНК Абхазии в феврале 1923г. приняли совместное постановление „О распространении на всей территории ССР Абхазии... Уголовного кодекса Грузинской ССР“, утвержденного Всегрузинским ЦИК в ноябре 1922г.

Таким образом, объявление ССР Абхазии в марте 1921г., а затем и ее т.н. „объединение“ с Грузинской ССР, были лишь формальными актами, а на самом деле, Абхазия, с самого начала, рассматривалась как автономная часть Грузии. Все это, конечно, не могло не волновать те силы абхазского общества, которые в свое время давали обещание сепаратистский настроенным слоям абхазского населения, что с установлением советской власти, Абхазия якобы обретет национально-государственную независимость. Эти силы и предприняли попытку некоей ревизии, сложившегося в 1921–25гг. государственно-правового положения Абхазии в составе Грузинской ССР. Под давлением этих сил был подготовлен проект первой конституции советской Абхазии, который был утвержден на III съезде Советов Абхазии (в марте 1925г.).

Конституция ССР Абхазии не выдерживала критики как в юридическом, так и в политическом плане. Главным юридическим ляпсусом было противоречие между ее отдельными статьями. Так 4-ая статья I главы гласила: „ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, через нее входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней – в союз Советских Социалистических Республик“, но в 5-ой статье II главы „Конституции“ почему-то „забывалось“ о вхождении Абхазии в состав ЗСФСР и СССР через Грузинскую ССР и говорилось о том, что „суверенитет ССР Абхазии, ввиду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, – ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в конституциях этих „Союзов“. Далее, в той же статье указывалось, что „Граждане ССР Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются гражданами ЗСФСР и Союза ССР“. И, наконец: „ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР“.

Таким образом, этими и некоторыми другими статьями „конституции“, абхазские законодатели фактически выводили Абхазию из государственного правового поля Грузинской ССР. Вышестоящие партийные организации как Грузии, так и Закавказья не могли не обратить внимание на „недостатки“ Конституции ССР Абхазии. После проведения соответствующей „воспитательной“ работы руководители Абхазии и, в первую очередь, лидер Абхазских большевиков Н. Лакоба „признали“, что „конституция написана глупейшим образом“. III сессия Всегрузинского ЦИК-а, проведенная, кстати, в Сухуми 13 июня 1926г., дала указание высшему законодательному органу ССР Абхазии переработать Конституцию и привести ее в соответствие с конституцией Грузинской ССР, что и было реализовано на III сессии ЦИК-а ССР Абхазии 27 октября 1926г. Окончательное же утверждение нового отредактированного варианта Конституции ССР Абхазии произошло на IV съезде Совета Абхазии в марте 1927г.

В новом варианте Конституции однозначно указывалось, что „**Республика Абхазия есть социалистическое государство** (а не „суверенное“, как это было зафиксировано в „Конституции“ 1925г.) ...входящее в силу особого договора в Социалистическую Советскую Республику Грузию“, что „**граждане Социалистической Советской Республики Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются тем самым гражданами Социалистической советской Республики Грузии**“. По новой Конституции в отличие от предыдущей, в которой государственный статус был придан только русскому языку, государственными языками ССР Абхазии объявлялось сразу три языка: абхазский, грузинский и русский. Согласно 16-ой статье I главы окончательного варианта Конституции ССР Грузия была в числе тех субъектов (СССР, ЗСФСР, ССР Абхазии), которые в пределах своей компетенции... „определяемой их кон-

ституциями“ пользовались правом эксплуатации государственных богатств (земли, леса, воды, недра и т.д.) Абхазии.

Конституция устанавливала уровень и порядок участия населения Абхазии в управлении грузинским государством. Согласно 18-ой статье II главы, „во Всегрузинском Съезде Советов“ принимали „участие представители съезда Советов Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве депутатов по расчету: один депутат на каждые 10 000 населения“, а согласно 19-ой статье той же главы, „Всегрузинский Съезд Советов“, должен был избрать „в состав Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета представителей от Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве членов определяемых Всегрузинским Съездом Советов“, т.е. в Верховном законодательном органе Грузинского (а не „Союзного“) государства, Абхазия не имела на паритетной основе своей установленной квоты, и определения уровня ее представительства было компетенцией исключительно Всегрузинского Съезда Советов.

По Конституции 1927г. Абхазия оставалась в общегрузинском государственно-правовом пространстве. „Кодексы, декреты, постановления, принятые Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом с распространением их действия на всю территорию Социалистической Советской Республики Грузии“ имели „обязательную силу и на территории Социалистической Советской республики Абхазии“, а „Всегрузинскому Съезду Советов и Всегрузинскому Центральному Исполнительному Комитету“ принадлежало „право отмены постановлений Съезда Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Абхазии противоречащее положениям главы II настоящей Конституции“.

И наконец, согласно 92-ой статье IV главы Конституции ССР Абхазии „Государственный советской Республики Абхазии“ входил „составной частью в общегосударственный бюджет ССР Грузии“ и подлежал утверждению „Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом в качестве составной части общегосударственного бюджета ССР Грузии“.

Таким образом, **вышеприведенные статьи из Конституции ССР Абхазии 1927г. снимают все подозрения на то, что ССР Абхазия была суверенной Советской Республикой, якобы установившей с Грузией равноправные федеративные государственные взаимоотношения. На самом деле, совершенно очевидно, что ССР Абхазия с самого начала (с 1921г.) рассматривалась как составная часть единого грузинского государственного организма, в качестве его автономии.**

К концу 20-х годов XXв. стало уже очевидным, что „договор 16 декабря 1921г. ...потерял реальное значение“ и что „наименование договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания“. Исходя из этого, в апреле 1930г. III сессия ЦИК-а Абхазии, на основании доклада Н. Лакоба, приняла решение об исключении из Конституции ССР Абхазии названия „Договорная республика“ и о ее замене словами „автономная республика“. А в феврале 1931г. VI съезд Советов Абхазии, одоббив решение III сессии ЦИК-а, внес соответствующие поправки в Конституцию Абхазии. Абхазия уже официально стала Автономной Советской Социалистической Республикой в составе Грузинской ССР.

Глава X

Абхазская АССР в 1931-1993гг.

Новая Конституция СССР 1936г. внесла ряд изменений в федеративное устройство страны, в частности была упразднена Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика и ее субъекты: Грузинская ССР, Азербайджанская ССР и Армянская ССР непосредственно вошли в состав СССР. Существует достаточно обоснованное мнение (С. Лакоба), что в

1935-36гг., накануне принятия Конституции СССР, Н. Лакоба предпринял попытку включения Абхазской АССР в состав РСФСР. Однако, эта затея тогдашнего лидера Абхазии провалилась.

В 50-х годах, в частности, в 1957г. воспользовавшись некоторым смягчением тоталитарного режима в СССР, сепаратистские настроенные силы абхазского населения организовали первый „всеабхазский бунт“ с целью вывода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. Коммунистическому руководству Грузии удалось утихомирить „мятежных абхазов“. Однако это было достигнуто за счет проведения односторонних репрессивных мер. Партийному наказанию подверглись исключительно грузины. На этом фоне, лидеры „Абхазского бунта“, наоборот – продвинулись еще выше по партийной иерархической лестнице и заняли „командные высоты“ во властных структурах автономной республики. Плоды подобной капитулянтской политики коммунистического руководства тогдашней Грузии во главе с В. П. Мжаванадзе пришлось пожинать уже спустя десять лет – в 1967г., когда вспыхнул новый антигрузинский „мятеж“ в Абхазии. Сепаратистские настроенные силы вновь поставили вопрос об отделении Абхазии от Грузинской ССР и ее преобразовании в союзную республику.

Руководство Грузии и на этот раз приняло односторонние меры, чем еще больше подхлестнуло идеологов национал-сепаратизма и подняло их рейтинг в сепаратистски настроенных слоях абхазского населения. В 1977-78гг., накануне принятия новой (1977г.) Конституции СССР, представители абхазской интеллигенции и партийно-хозяйственной номенклатуры организовали очередное выступление с требованием изменения государственного статуса Абхазии. На этот раз заговорили о переводе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР в состав РСФСР. Новое партийное руководство Грузии во главе с Э. А. Шеварднадзе, проводившее сначала (1973-77гг.) достаточно смелую политику по отношению Абхазской АССР, осенью 1978г., когда кризис в Абхазии достиг пика, все же пошло на значительные уступки и фактически вновь капитулировало перед сепаратистами. Хотя главная цель сепаратистов не была достигнута.

В 1984г. сепаратистские настроенные круги вновь активизировали свои действия. Было составлено и отправлено в Москву очередное „Обращение“ с нападками на руководство Грузии и всё с тем же требованием изменения государственного статуса Абхазской АССР. Но тогда из-за того, что во главе страны не было стабильного руководства, дело дальнейшего отправления „письма-жалобы“ не пошло. Новая эскалация сепаратистского движения в Абхазии началась в 1988г., на фоне проводимой М. С. Горбачевым и его командой политики „Перестройки и гласности“. Лидеры абхазского сепаратизма подготовили т.н. „Абхазское письмо“, которое направили в ЦК КПСС накануне Пленума по вопросам национальной политики. Ситуация особенно обострилась весной и летом 1989г. после того, как 18 марта в селе Лыхны (Гудаутского р-на) в присутствии и с согласия высшего партийного руководства Абхазии во главе с первым секретарем Абхазского обкома КП Грузии Б. В. Адлейба, состоялся „всенародный сход“ абхазов, который принял новое „обращение“ с требованием восстановления статуса ССР Абхазии (отмененного в 1931г.) и ее непосредственного включения в состав СССР.

Летом 1989г. (15-16 июля) впервые произошло кровавое столкновение в Сухуми, в результате чего погибло 9 грузин и 5 абхазов. Но тогда все же удалось временно стабилизировать обстановку. Осенью 1990г. в Грузии произошла смена власти. Новое руководство Грузии во главе с З. К. Гамсахурдия сразу же столкнулось с проблемами в автономиях, в первую очередь, в т.н. „Юго-Осетинской“ автономной области. В этой ситуации, во избежание открытия своего рода „второго фронта“ в Абхазии, З. К. Гамсахурдия пошел на неординарное решение – согласился на избрание на посту председателя Верховного Совета Абхазской АССР (т.е. на высший государственный пост автономной республики) наиболее одиозной фигуры из стана сепаратистов – В. Г. Ардзинба. Этим самым, новый лидер Грузии стремился снять напряженность в Абхазии и сорвать планы союзного руководства, стремящегося использовать „абхазскую карту“ против Грузии. Однако этот шаг не дал ожидаемых результатов. На протяжении всего 1991г. (до 19 августа) В. Г. Ардзинба против воли З. К. Гамсахурдия активно принимал участие в реализации планов Кремля по подписанию нового „союзного договора“, по которому автономные республики должны были повысить свой государственный статус.

После провала августовского путча, несмотря на то, что идея создания „обновленного Союза“ потерпела фиаско, З. К. Гамсахурдия все же дал еще один шанс В. Г. Ардзинба и согласился на принятие апартейдного избирательного закона, по которому абхазы получили преимущественное право быть избранными в высший орган власти автономной республики –

Верховный Совет Абхазии. Абхазы, составляющие всего лишь 17% всего населения Абхазии получали 28 депутатских мест, а грузины (почти 45%) всего лишь – 26 депутатских мест. Остальные 11 мест отдавались представителям некоренных национальностей: русским, армянам и др.

Заполучив таким путем простое большинство в Парламенте Абхазии, В. Ардзинба и его сподвижники забыли о своих обещаниях и приняли ряд идущих в разрез с общегосударственными интересами постановлений. Насильственное свержение З. Гамсахурдия и эскалация гражданского противостояния в Грузии создали весьма благоприятный фон для осуществления далеко идущих планов сепаратистов. Кризис во взаимоотношениях между Тбилиси и Сухуми достиг своего апогея после того, как 23 июля 1992г. Верховный Совет Абхазии с грубым нарушением регламента, в отсутствие кворума, официально восстановил т.н. „Конституцию ССР Абхазии 1925г.“, что фактически означало выход Абхазии из состава Республики Грузия. Этот роковой шаг абхазской депутации стал последней каплей, переполнившей меру терпения Грузинского руководства. Однако, оно воздержалось от силового решения. Но позже все-таки не удалось избежать кровопролития. 14 августа В. Ардзинба и его окружение приказали незаконно созданным ими же военным формированиям открыть огонь по передвигавшимся (согласно заранее достигнутого с лидерами Абхазии соглашения) на территории Абхазии внутренним войскам Республики Грузия. Так началась трагическое военное противостояние, которое завершилось 27 сентября 1993г. „победой“ сепаратистов и изгнанием из родных очагов 300 тысяч грузинского населения.

С этого времени, по сей день юрисдикция грузинского государства на территории Абхазии (за исключением верхней части Кодорского ущелья) не распространяется, и Абхазия считается непризнанной республикой.

Заключение

Итак, представленный нами материал однозначно подтверждает, что территория современной Абхазии, вопреки голословным и необоснованным утверждениям сепаратистской „историографии“ и их покровителей, исторически всегда была органической частью общегрузинского этнокультурного и политико-государственного пространства. Так было в эпоху Колхидского царства (VI-III вв. до н.э.), когда территорию нынешней Абхазии населяли только картвельские племена колов, колхов, кораксов, гениохов, возможно и месхов. В I-II вв. н.э. в письменных источниках впервые появляются сведения об „апсилах“ и „абазгах“, которых подавляющее большинство исследователей (в том числе и мы) считают предками современных абхазов. Эти абазги и апсилы в III в. н.э., наряду с санигами, картвельское (мегрело-чанское или сванское) происхождение которых не вызывает сомнений, под патронажем римских императоров создали

этнополитические образования – „царства“.

К концу IVв. территория „царств“ апсилов, абазгов и санигов (примерно от р. Галидзга-Мокви до Сочи-Адлерского сектора) вновь была включена в единое со всей Западной Грузией политическое и государственное пространство и стала частью Лазско-Эгрисского царства. В состав этого государства входила и верхняя часть Кодорского ущелья – за Цебельдой, населенная грузинским (сванским) племенем мисимян.

В первой трети VIIIв. происходит добровольная интеграция „эриставства Абхазия“, которая в тот период охватывала территорию от р. Келасури примерно до р. Бзиби и считалась владением византийского императора, в объединенное (формально) Картли-Эгрисское государство, во главе которого стоял дом картлийских эрисмтаваров. „Эристав Кесаря“ (т.е. византийского императора) Леон в качестве члена (зятя) „царского дома Хосроянов“ (династии картлийских царей, позже эрисмтаваров) стал вторым лицом в этом объединенном государстве. В конце VIIIв. племянник эристава Абхазии Леона, Леон II, воспользовавшись династическим кризисом в „доме Хосроянов“, а также ослаблением Византии, завладел всей Западной Грузией и объявил себя царем „абхазов“.

„Абхазское“ царство с самого начала было грузинским национальным государством, правопреемником Древнеколхидского и Лазско-Эгрисского государств. Из 8 эриставств собственно абхазы населяли только лишь территорию Абхазского эриставства (примерно от Нового Афона до р. Псоу). „Абхазское“ царство, в отличие от Древнеколхидского и Лазского царств, было первым по-настоящему грузинским национальным государством в Западной Грузии со своей **грузинской** (а не апсуа-абхазской) **национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком**.

С воцарением Баграта III Багратиони, внука (сына дочери) самого могущественного царя „абхазов“ Гиоргия II (922-957) в Кутаиси в 978г., царство „абхазов“ не претерпело каких-либо изменений как в политическом, так и государственном отношении. Произошло лишь дальнейшее расширение пределов „Абхазского“ царства, которое уже охватило территорию всей Грузии (кроме Тбилисского эмирата и Южного Тао – владения Давида III Куропалата) и трансформировалось в общегрузинское государство.

В XI-XVвв. территория современной Абхазии (как и раньше) не была единой в административном плане. Она была разделена на Абхазское, Цхумское и Бедийское эриставства. Цхуми-Сухуми был грузинским городом. В XIV-XVвв. там была резиденция правителя (мтавари) Одиши-Мегрелии, где он чеканил собственную монету. Само Абхазское эриставство, южная граница которого проходила в районе Анакопии–Нового Афона, во главе со знатным родом Шарвашидзе также являлось органической частью общегрузинского государственного организма. На протяжении XIII-XVвв. представители рода Шарвашидзе, как правило, сохраняли преданность Тбилисскому престолу, порой проявляя даже большую, нежели другие западногрузинские лидеры, лояльность к центральной власти Грузии.

На протяжении XVIв. значительная часть территории современной Абхазии „до Сухуми“ непосредственно входила в пределы Одишского (Мегрельского) княжества, а само эриставство всё еще признавало сюзеренитет владетельского дома Дадиани. В начале XVIIв., воспользовавшись ослаблением Одишского княжества, представителям рода Шарвашидзе удалось выйти из-под власти мегрельских владетелей и вступить в непосредственную вассальную зависимость от Имеретинского царства.

Джико-абхазская экспансия в юго-западном направлении, начавшаяся еще где-то в XV-XVIвв., своего апогея достигла со второй половины XVIIв., когда представители дома Шарвашидзе сумели захватить территорию сперва до реки Кодори, а затем и до р. Ингури. Так, к началу XVIIIв. территория Абхазии обрела нынешнее очертание. Однако, Абхазия в её современных границах с самого начала не было централизованным владетельным княжеством („самтавро“). Тогда же (в начале XVIIIв.) она распалась на три самостоятельные владения, из которых Самурзакано фактически превратилось в независимое от владетеля Абхазии самостоятельное княжество.

Несмотря на всю нестабильность политической ситуации в целом и усиления турецкого давления, Абхазия в XVI-XVIIIвв. не была оторвана от остальной Грузии и по-прежнему рассматривалась как составное звено западногрузинской политической системы. Это хорошо понимали как собственно грузинские и абхазские лидеры, так и высшие чины российской админи-

страции на Кавказе, которые необходимость включения абхазского княжества в состав Российской империи, в первую очередь, обосновывали как раз принадлежностью Абхазии к общегрузинскому политико-государственному организму. Это наиболее ярко было продемонстрировано владельцем Абхазии Сафар-беем (Гиорги) Шарвашидзе при составлении оригинала „просительных пунктов“ (официального обращения) направленных российскому императору именно на грузинском языке. Этим самым Гиорги Шарвашидзе однозначно давал понять российской стороне, да и всему мировому сообществу, также, что в **международных отношениях Абхазское княжество представляет** не какой-нибудь абхазо-апсуйский, а **грузинский национально-государственный и культурно-политический мир**.

В 1810-1864гг. Абхазия представляла собой владетельное княжество в составе Российской империи. В 1864г. российские власти упразднили владетельное княжество и Абхазию преобразовали в Сухумский отдел (позже в округ) с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору.

В 1917г., после крушения Российской империи, националистически настроенные представители „абхазской народной интеллигенции“, попытались оторвать Абхазию от остальной Грузии и присоединить её к т.н. „Юго-Восточному Союзу“. Однако из этого ничего не вышло. 11 июня 1918г. между лидерами Абхазского Народного Совета и руководством Грузинской Демократической Республики был заключен договор, согласно которому Абхазия объединялась с остальной Грузией на правах автономии. Это решение было подтверждено 20 марта 1919г. новоизбранным Народным Советом Абхазии (НСА). 16 октября 1920г. НСА утвердил уже проект Конституции Абхазии, который подтвердил автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики. Это положение Конституции было закреплено в Конституции Грузинской Демократической Республики, принятой Учредительным Собранием Грузии 21 февраля 1921г.

После насильственного свержения регулярными частями Красной Армии большевистской России законной власти суверенной Грузии и установления советской власти, в марте 1921г. Абхазия была объявлена Советской Социалистической Республикой. Однако, „независимость“ Абхазии была лишь временным явлением, по выражению лидера абхазских большевиков Н. А. Лакоба, „на одну минуту“. 16 декабря 1921г. по особому „союзному договору“ ССР Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве т.н. „договорной республики“. Как объявление („независимой“) ССР Абхазии в марте 1921г., так и её „объединение“ с Грузинской ССР на „договорных началах“ были лишь формальными актами. На самом деле, Абхазия с самого начала (т.е. с весны 1921г.) рассматривалась как автономная часть Грузии.

В 1931г. ССР Абхазия была уже преобразована в Абхазскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР). С 50-х годов XXв., при завуалированной поддержке коммунистического руководства СССР, в Абхазии началось сепаратистское движение с целью отторжения автономной республики от остальной Грузии. В решающую фазу это движение вступило в конце 80-х и начале 90-х годов, когда сепаратистам удалось инспирировать братоубийственный конфликт. Начиная с осени 1993г., когда абхазским сепаратистам при поддержке своих северо-кавказских „братьев“, казаков и, что главное, регулярных подразделений вооруженных сил Российской Федерации, удалось одержать „победу“ „в войне с Грузией“, на Абхазию фактически не распространяется юрисдикция грузинского государства, и она считается непризнанной республикой.

Основная литература:

1. ნ. ბერძენიშვილი. საქართველოს ისტორიის საკითხები. თბ., 1990.
2. ჯ. გამახარია. ქართულ-აფხაზური ურთიერთობების ისტორიიდან. თბ., 1991.
3. გ. გახვიაძე. აფხაზეთი. ძველი და ახალი აფხაზეთი. თბ., 1998.
4. მ. ინაძე. ძველი აფხაზეთის ეთნოპოლიტიკური ისტორიის საკითხები. – „*მაცნე*“, ისტორიის... სერია, №1-2, 1992.
5. ნ. ლომოური. ძველი აფხაზეთის ეთნოკულტურული ისტორიიდან. თბ., 1998.
6. მ. ლორთქიფანიძე. აფხაზეთი და აფხაზეთი. თბ., 1990 (ქართ., რუს. და ინგლ. ენებზე).
7. თ. მიბზუანი. დასავლეთ საქართველოს მთიელთა ეთნოგენეზის, განსახლებისა და კულტურის ისტორიიდან. თბ., 1989.
8. ზ. პაპახიძე. აფხაზეთი საქართველოა. თბ., 1998.
9. *საქართველოს ისტორიის ნარკვევები*, ტ. II. თბ., 1973.
10. ბ. ხორავა. ოდიშ-აფხაზეთის ურთიერთობა XV-XVIII სს. თბ., 1996.
11. *Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников*. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тб., 1988.
12. Г. А. Амичба, Т. Г. Папуашвили. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI-VIII вв.). Тб., 1985.
13. И. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1951.
14. З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI-XV вв.). Сухуми, 1959.
15. З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
16. З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
17. З. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария. Дружба извечная, нерушимая. Сухуми, 1972.
18. З. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1986.
19. Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии. Тб., 1997.
20. С. Джанашия. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование „Абхазского царства“. – *მაცნე*, ისტორიის... სერია, №2, 1991.
21. С. Джанашия. О времени и условиях возникновения „Абхазского царства“. – *შრომები*, ტ. II. თბ., 1959.
22. Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
23. Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии 1910-1921 гг. Тб., 1963.
24. Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
25. Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава. Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов. XIX – начало XX в. Тб., 1982.
26. Г. Жоржолани. Исторические и политико-правовые аспекты конфликта в Абхазии. Тб., 1995.
27. Г. Жоржолани, С. Лекишвили, Л. Тондзе, Э. Хоштария-Броссе. Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузия. Тб., 2000.
28. Ш. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965.
29. *История Абхазии*, гл. ред. С. Лакоба. Сухуми, 1991.
30. *История Абхазской АССР*. Сухуми, 1983.
31. С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
32. Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией. М., 1997.
33. Н. Ю. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997.
34. Л. В. Маршания. Трагедия в Абхазии. Тб., 1995.
35. А. М. Ментешаши. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918-1921 гг.). Тб., 1996.
36. А. М. Ментешаши. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тб., 1998.
37. Т. В. Надареншвили. Геноцид в Абхазии. Тб., 1996.
38. *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I, Сухуми, 1960; т. II, Сухуми, 1964.
39. *Очерки истории Грузии*, т. II. Тб., 1988.
40. *По поводу искажения грузино-абхазских взаимоотношений*. Тб., 1991.
41. *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*. Тб., 1999.
42. Д. Г. Стура. Сепаратистские движения в Абхазии в шестидесятые годы нашего столетия. Тб., 1995.
43. Л. К. Тондзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии. Страницы истории. 1921-1931 гг. Тб., 1996.
44. Э. Хоштария-Броссе. Межнациональные отношения в Грузии. Причины конфликтов и пути их решения. Тб.,

1993.

45. **Э. Хосhtarия-Броссе.** История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте. Тб., 1996.
46. **С. М. Червонная.** Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея. М., 1993.
47. **Г. В. Цулая.** Абхазия и Абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период. М., 1995.
48. **S. Chervonnaia.** Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazeti and the Russian Shadow. London: Gothic Image Publications, 1994.
49. **G. Zhorzholiani, S. Lekishvili, L. Toidze, E. Khoshtaria-Brosset.** Historic, Political and Legal Aspects of the Conflict in Abkhazia. Tbilisi, 1995.
50. **M. Lordkipanidze.** Essays on Georgian History. Tbilisi, 1994.
51. **A. Menteshashvili.** Trouble in the Caucasus. New York, 1995.
52. **A. Menteshashvili.** Some National and Ethnic Problems in Georgia. Tbilisi, 1992.
53. **E. Khoshtaria-Brosset.** The Abkhazian Problem in the Light of Conflict Studies. Tbilisi, 1997.